

СМЕНА

5

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

За годы советской власти в нашей стране вышло 517 изданий сочинений Н. В. Гоголя на 32 языках народов СССР общим тиражом в 13 905 тысяч экземпляров. 48 изданий выдержала гениальная поэма в прозе «Мёртвые души», более 60 раз издавались сатирическая повесть «Ревизор» и замечательная патристическая повесть «Тарас Бульба».

К 100-летию страны готовят новые издания произведений нашего гениального писателя. В издательстве Академии наук СССР будет завершён выпуск четырёхтомного собрания сочинений Н. В. Гоголя. Собрание сочинений Н. В. Гоголя выводит новое шеститомное издание художественной литературы. Тиражом в 300 тысяч экземпляров в Государственный издательский дом будут выпущены Полнотелый собранный тиражом будет издан комедия «Ревизор» и повести.

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Март. № 5. 1952 год.

Год
издания
29-й

Библиотека имени Н. В. Гоголя Советского района г. Москвы.
Библиотекаря комсомолка Меля Михальчук за выдачей книг.
Фото А. Минделова

Е. А. Кибрик. «Тарас Бульба».

К. А. Савицкий. «Ревизор» (немая сцена).

И. П. Пришников. «Падающая грамота».

«Страшная месть».

М. О. Михешин. «Вий».

В. М. Васнецов. «Знако-
ванное место».

Павел Соколов. «Старосветские помещики».

П. С.

А. ЕГОЛИН,
член-корреспондент
Академии наук СССР

ЧЕМ ДОРОВ

Среди великих русских писателей первой половины XIX века почётное место занимает Николай Васильевич Гоголь. Друг, соратник и продолжатель родоначальника новой русской литературы А. С. Пушкина, Гоголь своим творчеством сказал новое и притом беспощадно критическое слово о российской действительности. Его произведения навели сильный удар крепостничеству. Они содействовали пробуждению и развитию революционных идей в России.

Гоголь стремился быть «гражданином земли своей» и хотел служить ей. В годы расцвета своего дарования Гоголь так определял свою исходную позицию писателя: «...Бывает время, когда нельзя иначе устроить общество или даже все поколение к преобразованию, пока не покажешь всю глубину его настоящей безразности».

Гоголь сознавал историческую роль своего творчества. Его волновали судьбы родины. В горьком смехе Гоголь слышал пламенную любовь к своему отечеству, к своему народу. Обращаясь к родине, Гоголь тревожно спрашивал: «Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь тянется между нами! Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очей?»

Реакционеры считали Гоголя, автора «Ревизора» и «Мёртвых душ», бунтовщиком, а представители молодёжи России, прогрессивные деятели смотрели на его произведения, как на произведения демократического лагера. Уже «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», где раскрывалась пустота и бессмысленность паразитической жизни дворян, вызвала бурю негодования. «Северная пчела» Булгарина резко осуждала «Повесть...» Революционер Вигель писал Загоскину: «Я знаю автора («Ревизор», — А. Е.) — это юная Россия во всей ее нежности и чистизме». Ненавидя Пушкина, эти реакционные писки, по словам Беллинского, «приниждали» его, что их оскорбляла одна мысль видеть имя Гоголя рядом с именем Пушкина.

Все представители тунеядствующего дворянского сословия, или, по определению Гоголя, «небесопитанца», ненавидели гениального писателя.

Наряду с Пушкиным Гоголь положил основу самому плодотворному направлению в русской литературе XIX века — направлению критического реализма. Причём гоголевское начало в сильнейшей степени содействовало пробуждению протеста против несправедливости, против порабощения, угнетения; оно самым непосредственным образом воспитывало критическое отношение к буржуазно-дворянскому обществу.

Объективно творчество Гоголя выносило уничтожающий приговор крепостничеству. Гоголевский реализм давал незаменимый материал для революционной пропаганды. Его произведения содержали необыкновенно острую критику самодержавия, дворянско-крепостнической России.

В творчестве Гоголя можно различить две ясно обозначенные темы: героическую и сатирическую.

Героическая тема всего представлена в знаменитой исторической повести «Тарас Бульба». Ненависть к врагам отечества, к изменникам родины, беззаветная преданность народу — вот характерные черты таких героев повести, как Тарас Бульба и его сын Остап. Они жертвуют всем: домашним привязанностям, личным благополучием, наконец, самой жизнью.

В «Тарасе Бульбе» Гоголь возвеличил силу духа, прославил военные подвиги, великие дела своих соотечественников. Особенности гоголевского гуманизма определяются полнее всего следующими замечательными словами: «Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братья: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек».

Любовь к родине и лежит в основе этой высшей формы родства между людьми, «родства по душе, а не по крови; она, эта любовь, возмывает, облагораживает человека, укрепляет их дух, помогает перенести, выдержать любые испытания, воодушевляет на борьбу».

В «Тарасе Бульбе» Гоголь с восхищением рисовал борьбу украинского народа за свою независимость и отважным борцам за родину противопоставлял «мёртвые души» современных помещиков. Он беспощадно бичевал в «Ревизоре» и «Мёртвых душах» пустоту и пошлость окружающей его жизни дворянского и чиновничьего общества 30-х годов.

В образах гениальной комедии «Ревизор» Гоголь писатель хотел, по его признанию, «собрать в кучу все дурное в России». И на самом деле здесь оказались изображёнными типические черты николаевской действительности: пошлость, дичность, влчочничество, казнокрадство, умственная скудость, разложение чиновников, помещиков, дворянства. Ещё полнее, чем в «Ревизоре», антикрепостнические взгляды Го-

Пётр Соколов. «Мёртвые души» (бал у губернатора).

В. Е. Маковский. «Сорочинская ярмарка».

НАМ ГОГОЛЬ

Иллюстрация художников к произведениям Н. В. Гоголя

голя нашли выражение в поэме «Мёртвые души», центральном произведении его творчества. «Мёртвые души» потрясли всю Россию», — говорит Герцен. Самое заглавие испугало цензоров. И действительно, что могло быть революционнее в эпоху Гоголя, чем изображение господствующего класса России как «мёртвых душ? В пору злейшей реакции Гоголь рисовал упадок и вырождение дворянства. Сам Гоголь относил определение «мёртвые души» к помещичьему классу: «Будьте не мертвами, а живые души», — писал он, обращаясь к помещикам и дворянам в «Духовном завещании».

Предвидя, реалистическому подходу к освещению жизни в эпоху 30—40-х годов, Гоголь в поэме рисовал крестьян забытыми и подавленными, возлагая ответственность за это на господ, помещиков. Писатель изображает бестолковых дядю Мнича и дядю Иштва. Он показывает дворовую девушку Пелагею, но знающую, где правда и где лева сторона. Вместе с тем Гоголь находил, что силы народа заделаны, но не уничтожены. Беспощадно осмеивая помещичье-чиновную Россию, Гоголь верит в лучшее будущее своей родины. Он чувствует скрытые силы народа. С большой симпатией Гоголь говорит в своих лирических отступлениях о крепостных Михееве, Степане Прокбе, Милушкине, в таше о других талантливых и способных крестьянах. В лирических отступлениях поэмы автор возлюбленно говорит о своих раздумьях, создавая обобщённый образ Родины, предугадывая будущее России и русского народа. Конечно, в лирических отступлениях нет сколько-нибудь оформленного политического содержания или программы взглядов, но в них непосредственно выразилась вера Гоголя в свою страну и тоска по лучшей доле своего народа. Надо было пламенно любить свой народ, свято верить в его славное грядущее, чтобы в пору чёрной реакции создать вот этот изумительный образ России, обгоняющей другие народы: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгоняемая тройка несётся?».

Писатель создал настолько живые образы представителей всех классов общества, что они сохраняют своё значение до настоящих времён. Великие вожди современного человечества В. И. Ленин и И. В. Сталин широко используют, как известно, образы гоголевских произведений для разоблачения наших врагов и противников.

Гоголевские образы дают нам могучее и грозное оружие для борьбы против врагов мира, социализма и демократии. Словами Гоголя, его меткими разоблачениями, паразитизма и морганов, современных попустателей человеческих душ. Необыкновенно ёмкая, насыщенная социальными мотивами сатира Гоголя в наши дни служит прогрессивному человечеству для разоблачения империалистов и их полицейского режима, как в своё время она помогала передовым людям России бороться против самодержавия и крепостничества. Недаром Венская сессия Всемирного Совета Мира вынесла решение о праздновании памятной даты Н. В. Гоголя во всех странах мира.

Дорог нам Гоголь не только своими неумирающими реалистическими произведениями, совершеннейшим писательским мастерством, но и исключительно требовательным отношением к искусству. Разясняя, что такое слово, Гоголь писал: «Потомству нет дела до того, кто был вином, кто писатель, сказав грубость или идиотство, или же выразился вообще необдуманно и незрело. Оно не станет разбирать, кто толкал его под руку: близорукий ли приятель, подстрекавший его на разновременную дельность, журналист ли, хлопотавший только о выгоде своего журнала. Потомство не примет в уважение ни кумовства, ни журналистства, ни собственной его бедности и затруднительного положения. Оно сделает упрёк вам, а не вам». В гоголевские дни мы не можем не вспомнить трагедии Гоголя последних лет его жизни. Факт весьма поучительный: даже гениальность не в состоянии спасти писателя, когда он отходит от передовых взглядов. С этим именно связана творческая неудача второго тома «Мёртвых душ». В опубликованном в 1847 году «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь встал на реакционную точку зрения. Заслушав одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».

Но художественное наследие Гоголя в целом ни в какой мере не должно быть обываемо с реакционной программой «Выбранных мест из переписки с друзьями». Его творчество как при жизни писателя, так и после его смерти уже свыше столетия служит русскому народу, прогрессивному человечеству.

Глубокой верой в будущее России дышит всё творчество Николая Васильевича Гоголя, одного из самых любимых писателей нашего народа.

Куркынникис. «Женит'ба».

М. Г. Дерзегус. «Майская ночь».

«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

«Иван Федорович Шпонник и его тетушка».

К. А. Трутовский. «Вечер накануне Ивана Купала».

В НЕЖИНСКОЙ «ГИМНАЗИИ ВЫСШИХ НАУК»

Гоголь учился в нежинской «Гимназии высших наук» семь лет, с 1821 по 1828 год. Здесь формировался характер будущего писателя, его художественный талант, здесь же впервые проявился и его гражданское самосознание — во время следствия по так называемому «делу о волюндуемости». Это «дело» очень важно для биографии Гоголя. Особенно потому, что оно чрезвычайно ярко раскрывает ту политическую атмосферу, в условиях которой жил Гоголь в последние годы своего пребывания в гимназии, период непосредственно предшествующий его выходу на большую литературную дорогу.

«Дело о волюндуемости» возникло летом 1827 года, в нём оказалась замешанной значительная группа профессоров и воспитанников гимназии, в их числе и Гоголь. Большое количество материалов, найденных нами в ряде архивов (Нежина, Москвы и Ленинграда), позволяет не только полнее раскрыть фактическую историю этого дела, но и установить его истинный политический смысл.

6 января 1830 года начальник 6-го отделения 5-го округа корпуса жандармов майор Матушевич, резиденция которого находилась в Чернигове, дошёл начальнику III отделения Бенкендорфу «некоторые сведения» о табакях, производивших в течение последних нескольких лет в нежинской «Гимназии высших наук». На рапорте была наложена резолюция: «В оригинале сообщить князю Ливену». Некоторые время спустя Бенкендорф направил все полученные им материалы министру просвещения Ливену для расследования.

В министерстве просвещения давно уже имелись сведения о «неблагополучии» в нежинской гимназии. Но им не придавали особого значения. Лишь после вмешательства Бенкендорфа в министерстве спохватились. Было принято решение немедленно командировать в Нежин «на надёжного чиновника». Выбор пал на члена главного правления училищ Адеркаса. Ливен предложил ему исследовать на месте «в нравственные достоинства и учебные способности профессор», равно как и «нравственность и дух учащихся», дабы иметь возможность «принять надлежащие меры к

испорчению ала, если оное подлинно существует».

Адеркас пробыл в Нежине почти три месяца. Захватив с собой около двух тысяч страниц следственных материалов, он вернулся в Петербург. И сентября им было закончено на имя министра просвещения князя Ливена итоговое доносение.

Главным обвиняемым по «делу о волюндуемости» был младший профессор юридических наук Николай Григорьевич Белоусов, назначивший преподавательскую деятельность в нежинской гимназии в 1825 году и вскоре назначенный ещё и инспектором пансиона. В отчёте от многих старых преподавателей — филиалов и рутинёров — Белоусов был человеком передовых убеждений. Он развёл в своих лекциях прогрессивные идеи, увлекательно рассказывал о естественном праве человеческой личности, о великой пользе просвещения. Он возбудил в умах своих воспитанников острую критическую мысль. Лекции Белоусова находили живой отклик у гимназистов, по рукам которых ходили записанные стихи и среди них стихотворение Рылева «касающееся до призывания к свободе». Под влиянием Рылева и сами воспитанники сочиняли стихи такого же содержания.

Деятельность профессора Белоусова вызвала ярость у реакционной части преподавателей гимназии. Против него начали плести интриги. Главным организатором кампании против Белоусова был тупой и невежественный профессор Вилевич. Он писал клеветнические рапорты о неурядицах в гимназии, о бесчинствах и волюндуестве воспитанников и при этом утверждал, что всему виной Белоусов. Собрав несколько ученических тетрадей с записями лекций по естественному праву, Вилевич представил их в педагогический совет гимназии. В сопроводительном рапорте он указывал, что в лекциях Белоусова ничего не говорится об уважении к богу, к «ближнему» и что они «спрошены чуждыми мнениями и положениями, которые неопытное юношество действительно могут вовлечь в заблуждение».

Началось следствие. На допросы вызывали профессоров и учеников гимназии.

«Дело о волюндуемости» проливает свет на ту атмосферу, которая царил в Нежине и в

которой воспитывался Гоголь. Это «дело» представляло собой своеобразный политический отзвук событий 14 декабря 1825 года.

На следствии по делу Белоусова выяснилось, что ещё в ноябре 1825 года «некоторые пансионеры, — как свидетельствовал надзиратель Маслинников, — говорили, что в России будут перемены хуже французской революции». Маслинников приводит имена учеников гимназии, которые накануне восстания декабристов, тайношество перешёптываясь, сообщали друг другу слухи о предстоящих в России переменах и при этом распеваля песню:

О боже, воль ты еси
Всех царей с гильюю мещ,
Мишу, Машу, Кошу и Сашу
На волк посади.

(Миша, Маша, Коля и Саша — имеются в виду члены царской фамилии.)

Среди воспитанников, распевавших эту «возмутительную» песню, Маслинников называет имена ближайших друзей Гоголя — Николая Юковлевича Прокоповича и Александра Семёновича Давилевского. Несомненно, и сам Гоголь был осведомлён об этом факте.

В ходе следствия по «делу о волюндуемости» обнаружилось, что окомом крайних идей в нежинской гимназии был стюнде не один Белоусов. У него оказались единомышленники. Среди них можно назвать старшего профессора математических наук Шаналинского, одно время исполнявшего обязанности директора гимназии, профессора французского языка и словесности Ландражина, младшего профессора немецкой словесности Зингера.

О профессоре Ландражине один из воспитанников показывал, что он «раздаёт разные книги для чтения ученикам, а именно: сочинения Вольтера, Гельвеция, Монтескье...» А по свидетельству бывшего инспектора гимназии профессора Моисеева, Ландражин, прожакиваясь с учениками, часто напевал им «Марсельезу».

В январе 1828 года профессор Ландражин предложил своим ученикам в порядке домашнего задания перевести на французский язык какой-нибудь русский текст. Ученик 6-го класса Александр Змиев использовал для этой цели полученное незадолго перед тем от воспитанника Маргоса стихотворение Коплария Рылева, «заключающее в себе воззвание к свободе».

Иллюстрации художников и «Петербургским повестям» Н. В. Гоголи

Кукрыникси. «Портрет».

А. В. Ванецян. «Шинель».

В. Н. Миняев. «Нос».

Ландражин, конечно, скрыл этот факт от директора гимназии, сэра Зиневу: «Хорошо, что это досталось такому, как я, благодарному человеку; ты знаешь, что за такие вещи в Вильне сделали несколько молодых людей несчастными; у нас в России правление деспотическое; можно говорить не позволено».

При расследовании выяснилось, что указанное «столпотворение Рылева» было хорошо известно болонистам воспитанникам гимназии, которые нередко его декламировали вслух и распевали. «О сей оде известно,—докладывал тогда директор гимназии Яновский,—что она ходила по рукам учеников». Сам Зинев заявил на допросе, что «стихи сии пела обыкновенно в гимназии большая часть учеников».

Молва о «вольномудности» распространилась. Гимназия высшего класса стала вскоре всеобщим достоянием. По свидетельству ученика Кошкинцев, ему сообщил один чиновник в Чернигове, что носится слухи: «что и он, Кошкинцев, с некоторыми соучениками и профессором Белоусовым не поедет в кибитке, т. е. в Сибирь, в ссылку».

На основе заключения Алераса в выверенном министре просвещения Ливена Николай I предписал: «Зн предвзв на юности» выдавать профессору Шавалинскому, Белоусову, Ландражину и Зингеру отстрелить от должности, со внесением сии обстоятельств в их паспорта, дабы таковым образом они и впредь не могли быть ни где терпимы в службе и преподавании; а также в тех из них, кои не русские, выслать за границу, а русских на места их родные, отдав под присмотр полиции».

Но эти дела не закончились. В том же 1830 году нежинская гимназия высшего класса фактически подверглась полному разгрому и вскоре была преобразована в физико-математический лицей особой специальности.

Основным материалом для обвинения профессора Белоусова явились записки по естественному праву. В архиве министерства народного просвещения мы обнаружили тетради с записями лекций Белоусова, принадлежавшие тринадцати ученикам нежинской гимназии. В 1830 году Алерасом суждено было переписать другие тетради с лекций в Петербург.

Сопоставление этих тетрадей приводит к выводу, что в основе своей они восходят к одному общему первоисточнику. Из показаний ряда воспитанников становится ясным, что первоначальной частью тетрадей были записки лекций Белоусова, сделанные Гоголем в 1825—1826 учебном году.

Воспитанник гимназии Нестор Кудольник, впоследствии реакционный писатель, например, покаялся на следствии, что одна из его тетрадей под диктовку С. была «перенесена с тетрадой ученика 9-го класса пансионера Яновского Гоголем». Кудольник кроме того заявил, что он передал записки Яновского пансионеру Александру Новохацкому.

3 ноября 1827 года были сняты показания с Гоголя. Протокол допроса гласит, что Гоголь-Яновский «в эпоху новозаказного подтвердил в том, что он тетрадь истории естественного права и самое естественное право отдал в пользование Кудольнику».

Тетрадь Гоголя по естественному праву ходила по рукам учеников. Характерно замечание Новохацкого, что его тетрадь была списана с записок Яновского или признанию профессора Белоусова. Надо отметить, что тетрадь Гоголя была знакома Белоусову и признала наиболее достоверной записью его лекций.

Рукопись Гоголя не сохранилась. Но среди ученических записок, обнаруженных нами в архиве департамента народного просвещения, имеется та самая тетрадь Кудольника под именем С. К., которая «без всяких прибавок» списана с тетради Гоголя.

Конспект состоит из двух частей: истории естественного права и теории естественного права. Наиболее интересна часть вторая.

Идеи естественного права получают у Белоусова весьма прогрессивное, демократическое для своего времени истолкование. Некоторые его формулы прямо перекликаются с идеями Радичевича и декабристов.

Естественное право излагалось Белоусовым в плане чисто философском, теоретическом. Одна

Нежинский государственный пединститут имени Н. В. Гоголя.

Фото И. Довгоборда

ко многие положения его лекций осмысливались применительно к русской действительности. Например, когда он говорил, что «никто в государстве не должен самовластно управлять», то за этой краткой записью у ученической тетради мы чувствуем вполне определенную политическую позицию человека, негодующего против самовластного управления крепостнического государства в России. Лекции Белоусова, в неумолимо противоречие с официальными догмами николаевского просвещения, они были прямо направлены против феодально-крепостнического строя.

По свидетельству одного из соучеников Гоголя, Николая Котляревского, профессор Белоусов однажды на лекции о естественном праве спросил своих воспитанников: «Ели представить народу государя,—вода ли оно употребить, или же должно делать? И когда ученики молчали, то он, профессор, сказал, что можно такого государя извергнуть, убить». Правильность этого показания подтвердили на следствии и выходы Яновский высказывал Алерасу со слов ученика Филиченко предположение, что эти «селепые слова» Белоусова могли слышать в 1826 году многие ученики 7-го класса, и в их числе Гоголь-Яновский.

По мере того как продолжалось следствие по делу о «вольномудстве», все более выдвигался на первый план имя профессора Казимира Варфоломеевича Шавалинского. Законоучитель гимназии, характеризуя Алерасу Шавалинского как человека «без всякой религии», высказывал при этом предположение, что, скажется, он, г. Шавалинский,—«есть глава и выходы Алераса, который называет в своем доведении Шавалинского «главным виновником беспорядков и распрей в гимназии».

С именем Шавалинского Алерас связывал даже попытку организации в Нежине некоего тайного общества. Алерас сообщил министру просвещения Ливену, что между Белоусовым, Шавалинским, Ландражином и Зингером существует, как он выражался, «какая-то искривленная связь, и что они старались составить некоторый род партии». О «духе партии неординарно упоминает и Ливен в своей записке Бенкендорфу и доносит Николаю.

Хотя финал «дела о вольномудстве» произошел после окончания Гоголем гимназии, но в этом деле было замешано и его имя. Оно прямо упоминалось в одном из рапортов профессора Билевича в качестве примера «неуважения воспитанников к своим старшинам». Когда в ноябре 1827 года Гоголя подвергли допросу, он дал показания явно в пользу Белоусова.

Гоголь ненавидел Билевича и называл его вместе со всеми его единомышленниками «профессорами-школарами». В то же время Гоголю горячо симпатизировал Белоусову. «Я не знаю, можно ли достойно выхвалять этого достойного человека,—писал Гоголь 19 марта 1827 года своему другу Герасиму Высокому.— Он обходится со всеми нами совершенно как с друзьями, заступается за нас против британской конференции нашей и профессорско-школаров». По свидетельству одного из современников, он, «посещая в Нежине бывшего инспектора гимназии г. Белоусова, видел у него студента Гоголя, который был хорошо принят в доме своего начальника».

Травля Белоусова привнесла тяжелое впечатление на Гоголя. Живо, остро и в то же время всерьезным этот факт глубоко воспринималось, пронаблюдал, противоречие его представлениям о «естественном праве» людей, о «высоком назначении человека».

«Дело о вольномудстве» оставило глубокий след в сознании будущего писателя. Недаром на протяжении многих последующих лет он многократно в своих письмах вспоминал имя профессора Белоусова, горячо рекомендовал его своему близкому другу Максимовичу.

Гоголь внимательно следил за судьбой Белоусова. Когда осенью 1834 года имелась возможность облегчения участи находившегося под стражей министр путей сообщения профессор, об этом также же узнал Гоголь и в письме к своему близкому другу Максимовичу, Гоголь горячо просит рассмотреть и «суждениям» Гоголю от 14 августа 1834 года сообщая: «Я слышал, что Белоусова дела довольно поправилась, я этому очень рад».

Несомненно, воспоминания о событиях в нежинской гимназии являлись строки письма Гоголя от 14 августа 1834 года к Максимовичу о том, что «тамошние профессора большие бестии», от которых многие «пострадают».

Эти события заставили Гоголя-гимназиста внимательно присматриваться к окружающим его людям, к жизни вообще. Его письма гимназической поры полны тревожных раздумий о родине и своем месте в жизни.

Гоголь, проводивший Гоголем в «Гимназии высшего класса» не прошел для него даром. Ненавидя «ито школьного педантизма», виновниками которого была реакционная часть профессуры, Гоголь жадно впитывал терпеливое политическое идеи, горячо и самоотверженно пропагандировались профессорами Белоусовым и Шавалинским, Ландражином и Зингером. Эти идеи оставили неослабный след в сознании Гоголя, помогли ему определить свой критическое отношение ко многим явлениям феодально-крепостнической действительности, дали верное направление его художественной мысли, развилась позднее под влиянием Пушкина и Белинского и оплодотворенной гениальными обличительными произведениями великого русского писателя.

А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь.

Рисунок В. Лебедева

КОГДА СМЕХ УБИВАЕТ...

Кто не помнит гоголевской Агафьи Тихоновны из комедии «Женитьба! Эта «любимая» невеста терзалась мыслью: кого же из четырёх женихов выбрать в мужья? Если бы губы Никитора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузмича, — мечтала невеста, — да взять сколько-нибудь разности, какая у Балдзара Балдзарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича, — я бы тогда точно бы решилась. А теперь, поди, подумай...»

Невиному читателю может показаться, что автор сочинил Агафью Тихоновну просто как курьёз, для шуток. Но это, как известно, далеко не так. Невеста в «Женитьбе» у Гоголя — это глубоко художественный, собирательный образ. Оказывается, что Агафья Тихоновна адруг может учиться и в роли электического народника, против которых вели жестокою борьбу марксисты.

Вот перед нами статья В. И. Ленина «Перлы народнического прожектерства». Читая: «Г. Мануилов рассуждает, должно быть, по элементному рецепту знаменитого г-на Михайловского: надо взять хорошее и отуда, — неподобие того, как гоголевская невеста хотела взять нос одного жениха и приставить к подбородку другого».

Нуже мы приводим ряд других примеров, показывающих, как используют В. И. Ленин и И. В. Сталин гоголевские типы в своих изъяснениях.

Применение острого оружия сатиры в борьбе с врагами трудящихся является ленинской традицией в марксистской литературе. Исследования подсчитано, что из общего количества 925 литературных цитат, встречающихся в произведениях Ленина, большинство падает на произведения писателей-сатириков, причём Гоголь занимает здесь второе место, после Щедрина (у В. И. Ленина, по данным исследователей, 99 гоголевских цитат).

Нетрудно понять причины этого. «Факты говорят громче слов», — писал Белинский, — «яркое изображение нравственного безобразия государства — лучший выход против него». Эти строки написаны великим критиком именно по поводу юмора Гоголя. По определению того же Белинского, юмор Гоголя есть юмор спокойный, спокойный в самом смысле недогадывания, добродушный в самом своем лукавстве.

Но именно потому, что в творениях великого русского писателя Гоголя «нравственное безобразие» отображено исключительно верно, талантливо, художественные образы писателя стали оружием в борьбе. Смех убивает. Воспоминания, какими вселым оживлением встретило

собрание избирателей Сталинского избирательного округа Москвы меткое сравнение, которое привёл в своей речи И. В. Сталин, говоря о политических убийствах. «О таких людях неопределённого типа, — говорил товарищ Сталин, — о людях, которые напоминают скорее политических убийствителей, чем политических деятелей, о людях такого неопределённого, неформального типа довольно метко сказал великий русский писатель Гоголь: «Люди, говорит, неопределённые, ни ты, ни сё, не поймишь, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан» (Всё сёлое оживление, аллодисменты).

Вспомним, далее, доклад И. В. Сталина «О проекте Конституции Союза СССР на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. Великий вождь метко высматривал всевозможных критиков проекта Конституции. Часть газет буржуазного лагеря, особенно польских и американских, заявила то, что «большевики канули вправа». Жесткою высмеивая этих горе-критиков, товарищ Сталин привлекает силу гоголевской сатиры. «...А знают ли вообще эти господа, чем отличается левое от правого?» (Общий смех, аллодисменты) «Нельзя не вспомнить по этому случаю, — продолжает товарищ Сталин, — дворовую «девичку» Пеллагею из «Мертвых душ» Гоголя. Она, как рассказывает Гоголь, взялась как-то показать дорогу кучеру Чинквева Селифану, но, не сумев отличить правую сторону дороги от левой в стофору, запуталась и попала в чеповское положение. Надо признать, что наши критики из польских газет, несмотря на всю их амбицию, все же недалеко ушли от уровня понимания Пеллагеи, дворовой «девички» из «Мертвых душ». (Аллодисменты) Если вспомните, кучер Селифан смел нужнее отчитать правую сторону дороги с левым, сказав ей: «Эх ты, чернокотая... не знаешь, где право, где левое. Мне кажется, что следовало бы так же отчитать наших незадачливых критиков, сказав им: Эх вы, горе-критики... не знаете, где право, где левое». (Продолжительные аллодисменты.)

Гоголевская сатира звучит в устах товарища Сталина совершенно убедительно для врагов, разлит их напоял. Такова сила художественного образа, мастерски применённого к явлениям современной действительности.

Литературная цитата вызвана к жизни боевыми потребностями ленинского и сталинского слова. Великие вожди пролетариата используют всё, что может усилить их мысль, сделать более рельефным и образным её выражение. Сатирические литературные образы ставят они на службу идее большевизма.

Интересно отметить, что из галереи гоголевских типов в работах В. И. Ленина всего шире представлены образы из «Мёртвых душ». Дана в таком сложном философском произведении, как «Материализм и эмпириокритицизм», В. И. Ленин считает полезным обращаться к образам знаменитой поэмы Гоголя. «...Но всего более «любопытным» здесь то,— пишет Ленин,— как Г. Юшкович относится к тем книгам и статьям по философии, о которых он трактует. Это — типичный образец отношения к делу наших махистов. Гоголевский Петрушка обращается и находит любопытным, что из букв всегда выходит слово. Г. Юшкович читает Вундта и не нашёл «любопытным», что Вундт обманял Аленарису в материализме. К гоголевскому Петрушке Ленин возвращается не раз.

И один образ Гоголя не пропадает «даром», если он может служить на пользу народу. Не забывает Ильич даже «даму приятную во всех отношениях», перевоплощая её то в профессора-особообразца, то в неизвестного публициста из «Новой Жизни». В своей знаменитой брошюре «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин пишет: «Деловые доводы на этот раз мы находим только в «Новой Жизни». Она выступает на этот раз в более идущей к ней роли адвоката буржуазии, чем в явном «шокирующей» эту даму приятную во всех отношениях роли защитника большевиков».

И уж, конечно, первые места в толпе гоголевских персонажей занимают у Ленина неистовый враль Ноздрёв, звероподобный крепостник Собакевич и сентиментальный болтун-либерал Манилов.

«Комини вы, господа,— пишет В. И. Ленин в статье «Сорвалось!..».— После того, как вы уже предложили согласиться о выборе добросовестного лица, вы заявляете теперь, с непонятными-гордым видом поимённого Ноздрёва, что никакие соглашения невозможны!»

Или, например, в статье «Нечто об итогах и фактах» в адрес меньшевика Дана Ильич пишет: «Над этим Хлестаковым или Ноздрёвым стоит помянуть, а «Правда» уже сделала это. Но одной намешки мало. Рабочие должны научиться сами и разбирать факты и проверять их, чтобы не давать в обман Ноздрёвым ни себя, ни своих малоразвитых товарищей».

Образ Ноздрёва в большинстве случаев употребляется Лениным применительно к меньшевикам-новоскировцам, ликвидаторам, ревизионистам и т. п. Образом Манилова Ильич пользуется, чтобы бить по «прекраснодушному», по страсти и сочинительству прожектов, по дреблей мечтательности по подмене для словес. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин, например, пишет: «...мечтать о замещении вековой экономической борьбы антагонистических классов русского общества — значит впасть в маниловщину». В другом случае Ленин пишет: «Конечно, по Ленину, это и есть качество гнилой интеллигенции. Приведем ещё такую цитату из заключения к сборнику «Марксизм и ликвидаторство». «...Совершенно естественно, что среди современной рабочей молодежи,— пишет Ленин,— мечтания и фразы добродушных людей о «единстве» ликвидаторов с рабочей партией вызывают только, смотря по настроению, или гомерический, совсем невежливый, хохот или взгляд недоумения и сострадания по адресу интеллигентских Маниловых».

Выписывание гоголевских цитат из произведений В. И. Ленина могло бы занять солидного объёма книгу. Мы ограничимся лишь ещё одной цитатой, показывающей, как даже в специальном исследовательском труде, кавом является «Развитие капитализма в России», Ленин исключительно остроумно прибегает к образам Гоголя, чтобы популярнее изложить читателю свою мысль.

В одном из ленинских примечаний есть такой текст: «Таким образом, крестьяне массами бегут из местностей с наиболее патриархальными хозяйственными отношениями, с наиболее сохранившимися отбросами и пережитками феодальной промышленности, в местности, отличающиеся полным разложением «устоя». Они бегут от «народного производства», не слушая несущего им в догонку хора голосов из «общества». А в этом хоре justement выделяются два голоса: «мало привязаны» — угрожающе рычит черносотенный Собакевич, — «Недостаточно обеспечены надеждою», — вежливо поправляет его кадет Манилов».

Всего несколько слов. Но как они сразу оттачивают ленинскую мысль! Как они сразу проясняют, что кадеты стоят октябристов!

В произведениях Ленина мы находим и Акакия Акакиевича из гоголевской «Шинели», и Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, и журналиста Трипличина из «Ревизора» (на этот раз он выступает в роли меньшевика Мартова), и слугу Хлестакова Осипа, и Добчинского с Бобинским, причём последние служат для Ленина синонимом несущественных, мелочных разногласий (кто первым сказал «Э!»).

Н. В. Гоголь — один из любимейших писателей Ленина. Видимо, не случайно к персонажам великого русского писателя обращается Ильич уже с юных лет. В письме к сестре, А. И. Елizarовой, молодой Ленин, например, пишет о своей капризной хозяйке: «...Эта почтеннейшая матрона упряма, как Коробочка».

С ленинским отношением к Гоголю, с его оценкой великого писателя полностью совпадают и взгляды товарища Сталина. Если В. И. Ленин ставит имя Гоголя рядом с именем революционного демократа Белинского, то и товарищ Сталин ставит имя Гоголя в ряд славных имён, составляющих собой гордость русской нации. Использование Лениным и Сталиным гоголевских сатирических персонажей — такое прямое свидетельство огромной жизнестойкости гоголевской сатиры и высокой оценки её основоположниками марксизма-ленинизма — Лениным и Сталиным.

П. ТАМИЛЛИН

Памятник Н. В. Гоголю, открытый в Москве, на Гоголевском бульваре, 2 марта 1952 года.

Фото А. Устинова

Иллюстрация к роману И. В. Гоголя «Мёртвые души»: Чичиков у Коробочки.

ИЛЛЮСТРАЦИИ КУКРЫНИКСОВ

Беседа
с художниками Кукрыниксами

Многогранный талант «единоусойной и нераздельной тройцы», как называл Максим Горький художников Кукрыниксов, — М. В. Кукрынова, П. Н. Крылова и А. А. Соколова, ныне народных художников РСФСР и действительных членов Академии художеств СССР.

Мастера сатиры, крупных полотен реалистической живописи, портретов, лирических пейзажей, они снискали себе заслуженную славу и как выдающиеся иллюстраторы книги. Их талантливые иллюстрации к произведениям классиков русской литературы — Горького, Салтыкова-Щедрина, Чехова — широко известны миллионам читателей не только в нашей стране, но и за рубежом.

Три Сталинские премии из пяти, которыми отмечено творчество Кукрыниксов, присуждены им за иллюстрации к произведениям А. П. Чехова, к «Флоре Гордеевой» А. М. Горького и к его роману «Мать».

О своей новой работе художники Кукрыниксы рассказали корреспонденту «Смены» следующее:

Впервые мы иллюстрировали произведения Н. В. Гоголя 15 лет назад. Тогда мы сделали около ста рисунков для трёхтомника избранных произведений, выпущенного Детгизом. Но теперь нас совершенно не удовлетворяет та излишняя карикатурность, которой отличались наши прежние иллюстрации. В новых работах мы стремимся как можно глубже и реалистичнее отразить в иллюстрациях бессмертные творения Гоголя. Его герои, по словам Белинского, обличены в сатирическую форму именно потому, что в них человеческое в прямом противоречии с тою общественно средою, в которой они живут. Эта мысль проходит красной нитью через всю нашу работу над Гоголем.

Большая графическая сюита — двадцать два рисунка, — выполненная нами чёрной акварелью к отдельному изданию повести «Портрет», представлена ныне на Всесоюзной художественной выставке 1951 года в Третьяковской галерее. Мы хотели на примере героя повести «Портрет», — говорят Кукрыниксы, — раскрыть глубокую личную драму художника, продвигющего свой талант, постепенное переосвоение его и неизбежной трагической концы.

Социальную драму забытого нуждой, беззащитного мелкого чиновника в условиях уродливого николаевского режима и характерную для того времени жестокую бесчеловечность отношения между людьми мы стремимся отразить в иллюстрациях к повести Гоголя «Шинель».

Эта повесть также издаётся отдельной книгой в Гослитиздате. Среди рисунков (из них шесть цветных) мы сделали для поэмы «Мёртвые души», которая войдёт в двухтомник Гоголя, выпускаемый Детгизом.

Прежде чем приступить к работе над иллюстрациями к «Мёртвым душам», Гоголя, мы долго и внимательно изучали документы той эпохи, в которой жил и творил Н. В. Гоголь. С этой целью мы выезжали в Ленинград и использовали для пейзажей уголки старого Петербурга — Зимнюю Канавку, набережную со фринками перед Академией художеств и Неский проспект тех времён.

На вопрос нашего корреспондента, какой род творчества им более всего по душе, художники отвечают:

— Больше всего мы любим ту работу, которая нас увлекает в данный момент, на ней мы и сосредоточиваем всё своё внимание независимо от того, иллюстрирование ли это книги, карикатура, плакат или живопись.

Рисунки В. Лебедева

ГОГОЛЬ И БЕЛИНСКИЙ

Н. БЕЛЬЧИКОВ,
заслуженный деятель наук

Гоголь и Белинский — два гиганта великой русской культуры, литературы, искусства и общественной мысли XIX века.

В. И. Ленин в статье «Ещё один поход на демократию» (1912) писал: «Некрасов воскликнул в давно-давно прошедшие времена:

— Придёт ли времечко
(Приди, пряди, желанное),
Когда народ на Влаховых
И не мылораг тутого,
Белинского и Гоголя
С базара поведёт?

Жаленное для одного из старых русских демократов «времечко» пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешёвой брошюрой. Демократическая шизка стала базарным продуктом. Темы идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси — была пропитана спалась эта новая базарная литература.

«Какое беспokoяйство!» — воскликнула мянцая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ошарашившая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидела и а и с а с этот «народ, несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю»¹.

Ленин, опровергая либерала Шенстеева, отметил широкое распространение демократической литературы в 1905 году в процессе революционной борьбы и указал на подлинную народность идей Белинского и Гоголя. Эта высокая оценка Ленина наглядно показывает, как близко стоит в истории русской литературы и в истории общественного движения XIX века имена генерального писателя-сатирика Гоголя и генерального русского критика, революционера-демократа Белинского.

Гоголь — творец бессмертных «Ревизора» и «Мёртвых душ», чарующих «Вечер на хуторе близ Диканьки», «Миргород» и других замечательных произведений, пронизанных горькой любовью к родине, к народу.

Чувством безграничной любви к родине наполнена и повесть «Тарас Бульба», где воспеты народные герои и их подвиги; эта же любовь к родине воодушевляла Гоголя

на беспощадное обличение существовавшего тогда общественно-политического строя, который делал уродами людей, угнетал народные массы, подавлял и порабощал человеческую личность.

«Я живу весь... в своем народе и земае, которые зюются неразумно со мною, и всё, что там ни есть и ли закачаю, ближе и ближе становлюсь ежеминутно душе моему»², — писал Гоголь.

Патриотическое служение родине объединяло с Гоголем и Белинского, который выступал непримиримым борцом против феодально-крепостнического строя.

Общей почвой, питательной средой, вдохновлявшей Гоголя на то, чтобы «собрать в кучу все дурное в России... все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше требуется от человека справедливости и за один раз помянуть надо всем», и Белинского — на борьбу против крепостничества, были освобождение крестьянское движение, связь с народом.

Для Гоголя этот вопрос решался сложнее, чем для Белинского. Последний под воздействием могучих порывов народных масс к свободе в 40-е годы пережил стремительно быстрое созревание революционно-демократических взглядов, став «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении: еще при крепостном правле (а с и и), Белинский в силу высоты своих воззрений явился предшественником русской социал-демократии».

Гоголь, по словам Добролюбова, в своих бессмертных творениях «очень близко подошел к народной точке зрения, но пошел бессознательно, просто художнической оуплью»³.

Добролюбов развел под «народной точкой зрения» свержение феодально-крепостнического строя. Великий критик, без сомнения, признавал большое революционизирующее значение произведений Гоголя, который, однако, сознательно, глубоко убежденно революционных позиций разделять не мог.

Для нас, однако, несомненно, что критический пафос Гоголя был прямым отражением его ненависти к крепостнической

¹ В. Вересаев. Гоголь в жизни, стр. 315.
² Добролюбов. Полн. собр. соч. т. I, стр. 244.

³ В. И. Ленин. Соч. т. 18, стр. 286.

действительности тогдашней России. Образы, созданные в своё время Гоголем, со служили великую службу делу борьбы революционной демократии. Могучим смехом «Ревизора» Гоголь привитого к позорному столбу, нивелировалась Россия. «Мёртвые души» были также сокрушительным ударом по миру бездельников, взяточников, пошляков, вообще «небокопителей».

Творчество Гоголя было противоречивым. С одной стороны, гениальный художник-реалист, создатель глубоко правдивых образов, разоблачавших общественно-государственные пороки, с другой стороны, писатель, который верил, что разрешение важнейших социальных вопросов может быть достигнуто путём нравственного самосовершенствования человека.

Но Гоголь был великим реалистом. Белинский высоко ценит бесмертные образы, созданные Гоголем. Писатель в своих гениальных художественных произведениях с большой силой и правдивостью описывал существующую сторону жизни страны, крепостной России. Эти творения занимают выдающееся место в русской и мировой литературе, они вошли в золотой фонд. Реалистические произведения Гоголя имеют большое идейное и художественное значение и в настоящее время.

Белинский написал около двадцати статей и рецензий, посвящённых разбору сочинений и писем Гоголя. Гоголь был самым дорогим и близким ему писателем. Был у нас теперь один, — писал он Гоголю в 1842 году, — мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связаны с вашей судьбой; не будь вас — и прошёл для меня настоящее и будущее в художественной жизни нашего отечества»¹.

На основе художественных творений Пушкина, Лермонтова и Гоголя Белинский развил учение о реализме, представляющее собой не только выдающиеся достижения самостоятельной русской творческой мысли, но и вклад в развитие мирового искусства.

Белинский первый провозгласил величие Гоголя как писателя-реалиста. В ранней статье «О русской поэзии и повестях Гоголя» (1835) Белинский утверждал, что Гоголь «пошёл искать поэзию в нравах среднего сословия в России», что Гоголь — поэт, «поэт жизни действительной». Величайшей задачей художника, по Белинскому, должно быть изображение «общинной» жизни.

Демократизм Гоголя, на который указал критик-революционер, определял и своеобразное творчество писателя: «Отличительный характер повести г. Гоголя составляет — простота вымысла, народность, современная истина, живая оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния».

Особенно значительные выступления критика в защиту «Мёртвых душ». Белинский неоднократно славилшася, пытавшимися изложить смысл гениальной поэмы, полемизировал с реакционной прессой. Белинский отстоял реализм творчества Гоголя, показал глубокое проникновение автора «Мёртвых душ» в суть социальных преобразований жизни. Он вскрыл смысл огромной обобщающей силы образов поэмы. Белинский указал и на богатство языка Гоголя.

В духе замысла Гоголя Белинский описал образы «Мёртвых душ» мировое значение. Чичиков и другие были собирательными образами, обобщениями исторического опыта, который прошёл буржуазно-капиталистическая Европа к 30–40-м годам XIX века. Белинский писал: «В России и в Западе Чичиков — это явление не меньше, если не больше, чем Печорин — герой нашего времени. Во Франции и в Англии Чичиковы не скупают мертвых душ, а покупают живые души на свободных парламентских выбо-

рах. Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский морзавец образованием какого-нибудь мерзавца земского суда, но в сущности они оба не лучше один другого»².

Гоголь знал отзывы Белинского о своих произведениях: он внимательно читал их, находя в них себе поддержку.

Белинский вместе с Пушкиным положительно воздействовали на формирование антикрестьянских, демократических воззрений Гоголя.

Белинский проводил резкую грань между Гоголем — автором «Ревизора» и «Мёртвых душ» — и Гоголем периода «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846). В своём письме к Гоголю в 1847 году великий критик выразил своё разное отношение к разным идеям Гоголя в эти два периода.

В 40-е годы Гоголь утратил связь с демократическим движением в стране. Он оторвался от России, от прогрессивных её сил, испытал давление крепостнического лагеря и реакционной аристократии, дворян-реалистов. Белинский рассматривал отход Гоголя от прежних взглядов как общественное явление, сблизив его с гибелью Пушкина и Лермонтова. Пути Гоголя и Белинского в те годы разошлись. Великий критик продолжал отстаивать демократические произведения Гоголя от реакционных «Выбранных мест», вызвавших возмущение передовых деятелей того времени, выступил со смелым протестом против защиты Гоголем крепостничества. Это знаменитое письмо Белинского, представляющее собой итог деятельности, его политическое завещание, явилось «одним из лучших произведений бесценной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору» (А. Я. и Я. В. Белинский не отказались от своих прежних оценок Гоголя, ибо в глазах его «отступление» Гоголя не могло отнять у русского народа его гениальных творений. Белинский призывает Гоголя искупить свой «грех».

Белинский вёл борьбу за Гоголя и оставлял вместе с ним плодотворные пути развития будущей литературы.

Справясь на Гоголя, Белинский создал и упрочил теорию реализма. Вместе с Гоголем знаменитый критик утверждал мысль об общественном служении литературы, взгляд на писателя как на гражданина земли русской.

Гоголь и Белинский объявляли решительную борьбу подражанию космополитов, Западу и боролись за создание глубоко национальной литературы и национальной поэмы.

Гоголь и Белинский избрали единый вид деятельности: служение родине в области литературы. Литература в их глазах была единственной трибуной, с которой они могли призывать к великим событиям своего народа, когда писал: «Еще пройдет десяток лет и вы увидите, что Европа придет к нам не за покупкой ленки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках».

Белинский также верил в великое предназначение родины. В 1840 году великий критик пророчески писал: «Завидую вам и правую нам, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного мира, являющею знамя и истину и искусство, и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества»³.

Гениальный писатель в вопросе о будущем родины находил себе сподвижника в лице Белинского.

Л. САМСОНОВА,
студента III курса
филологического факультета МГУ

ЯЗЫК ПОВЕСТИ

«НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ»

(Отрывок из доклада на гоголевском семинаре)

«Невский проспект» является произведением, в котором творческая индивидуальность Гоголя выразилась с достаточной глубиной, силой и отчетливостью. Содержание повести, как писал Белинский, представляет собой «две полярные стороны одной и той же жизни, это высокое и смешное о-бок друг другу».

Вся повесть построена на контрастах. На фоне блеска и красоты «Невского проспекта» разглагольствуют страшные и безобразные события; Пискареву, чистому, наивному, «двусмысленно юному», притомставлен циничный, извращенный и детолюбивый, иронично-радуlichem мечтам художника протестуют отвратительная, серая, мрачная действительность.

Язык повести находится в полном единстве с её идейным содержанием.

Описывая Невский проспект в начале повести, изображая только внешнюю сторону улицы, Гоголь пользуется соответствующими лексическими, синтаксическими и интонационными средствами. Сравнения: «голова гадкая, как серебряный блин», «башмаки блестящие, как дым», «танемки, как муха, с шokolомом», «сталин, инкак не толще бутылочной шейки». Эпитеты: «всемогущий Невский проспект», «благополучное звание чиновников по особенным поручениям», «еврейский лохот». Метафоры: «глазом одним гуляем», «скользко вытерпел он (Невский проспект) перемену», «на Невский проспект делают набегу гувернеры всех наций».

Здесь все эпитеты, метафоры, сравнения заключают в себе иронический смысл, они рассчитаны на то, чтобы вызвать комический эффект, принизить изображаемое, создать у читателя критическое отношение к нему.

Отрицательное отношение к действительности Гоголь выражает ещё другим, специфическим приёмом иронии. Слова, заключающие в себе серьёзное (даже сугубо серьёзное) содержание, употребляет в противоположном значении, выражая этим насмешливое отношение к изображаемому:

«Мало-по-малу присодружится к их обществу все, оживившее довольно вальсовыми доньями, и в жизни по-старому со своим доктором о погоде и о небольшом прычке, вскопавшем на носу, узнавие о здоровье лошадей и детей своего, впрочем показывающих большие дарования, протавившего а фриш и в жизни по-старому с президиумами и отъезжающих, наконец, выпивше чашку кофея и чаю (разрядка моя.—Л. С.).

Ирония выражена не только в лексике, но и в интонационно-синтаксическом построении речи: здесь много вопросов, восклицаний, когда Гоголь, как говорит Белинский, «присоединяет ся престоком» и удивляется и восхищается тем, что вызывает смех: «Боже, какие есть прекрасные должности и службы!» (чиновник по особенным поручениям), «как они возвышают и услаждают душу!». А дальше фразы построены так, что так и чувствуется каждое желание: «но, увы, я не служу и лишь удовлетворения видеть тонкое обращение с собою начальников».

Читатель, понимая, что Гоголь не мог тосковать по должности чиновника, остро чувствует его иронию. Ирония вызвана здесь также и необычным сочетанием слов: «Всемогущий Невский проспект!» или «...узнавие о здоровье лошадей и детей своего». Здесь удивление, комический эффект вызываются не только

¹ Белинский. Соч. Т. VII, стр. 334.

² Гоголь «Стрелы и ульи России». 1846

(«Великое место не парижские выдумки»).

³ Белинский. Соч. Т. VII, стр. 224.

¹ Белинский. Письма. Т. II, стр. 310.

этим неожиданным, необычным сочетанием, но и расстановкой слов: сначала — дошай, потом — дети. Гоголь намеренно ставит слова в таком порядке, mimоходом говоря о страстях и интересах этого общества. Это сочетание — необычное сочетание слов — новаторство Гоголя, своеобразия его стиля.

Совсем другой тон в конце повести. Здесь грустное раздумье о жизни, поэтому Гоголю уже не нужны комические записки, сравнения, метафоры. Восхищенный тоном мало, а те, которые есть, имеют иное значение: в них неодолеимо, горько: «Дивно устроен свет наш дуракам я, идя третьего дня по Невскому проспекту... как бы случайно как неосторожно гудят нами судьба наша!»

Отрицание действительности, призрачность, обмучивающая явлений жизни Гоголь выражает следующими синтаксическими приемами:

1. Отрицательное местоимение «и» (которое обозначает «во вся жизнь»): «Всё обманю, всё мечта, всё не то, чем кажется».

2. Вопросом, на который тут же даётся отрицательный ответ: «Всё думаю, что этот годик, который гудит в отчаянии своим сорюточке, очень богат,— интуит не бывало: он всё состоит из своего сорюточка».

3. Полным отрицательным предписанием: «О, не верьте этому Невскому проспекту».

Речевому в содержании соответствует и реальная жизнь. В описании проспекта Гоголь употребляет слова из самой обычной, повседневной речи. Это делает его язык демократическим, народным. Тапаческим является языковая сторона характера персонажей ярко выражены в их речи и, дополняют к ней,— в речи автора.

В характере Пискарёва Гоголь отмечает неодолимое, застенчивое, обаяние это изображение «маленького человека», русского художника в обществе. Пискарёв даже в разговоре с лаксем в лирике вежлив. «Послушайте, любезный,— пронаюсею он с робостью,— верю на гуду новолунный биты. Этого модничанья черты,— чудноудать всем людям без изъятья». У Молчалина не вежливость, а лицемерие, заискивание, угодничество; у Пискарёва вежливость — внутренняя, неотъемлемая черта его характера.

В речи Пискарёва обобщен, типизирован язык «маленького человека», «незначительного лица». Но у Пискарёва есть свои, индивидуальные черты характера. Он разговаривает с женщиной мечтательно по натуре. Психологическое состояние Пискарёва, его странное чувство хорошо выражены в его языке. Речь Пискарёва часто совершенно бесцельна. Весь смысл в интонации, в звуках. «О, буду, буду! Буду!» — восторженное, трепещущее повторение одного и того же слова мы воспринимаем как порыв чувства, страсти.

Пискарёв противопоставлен Пирогову — офицер, человек «среднего класса». Военное сословие было привилегированным в России, и многие честолюбивые люди, карьеристы, ставшие военными не потому, что видели в этом своё призвание, а ради гонимой, ради карьеры. Пирогов был одним из таких. Самоуверенность, самодовольство в его характере — типичные черты его сословия. Его речь разна, небрежна: «...ступай, простояй, прозевешь!»

Характер Пирогова в значительной степени раскрывается в его отношениях с блондиной, с именем Шиллером. Его отношение к блондине — игра в чувство, а не подлинное чувство. И он старается прикрыть эту игру потоком комплиментов и любезностей: «Вас видеть, больше ничего мне не угодно», «Глушечка, какие хорошие глазки».

Достаточно сравнить короткие, задерживающиеся, прерывистые фразы Пирогова с длинными, простыми фразами Пирогова, чтобы почувствовать огромное расстояние между языком подлинного чувства и языком игры в чувство.

Пискарёв: «Вас неважеть? Мне Я...», «О, буду, буду, буду!», «Где же она! дайте мне её!»

Пирогов: «Мне нужно, моя миленькая, заказать шпоры. Вы можете мне сделать шпоры? хотя для того, чтобы любить вас, вовсе не нужно шпор, а скорее бы ушечку».

Гоголь пишет: «...Поручик Пирогов имел множество талантов, собственно ему принадлежали. Он превосходно декламировал стихи из «Дидриха

Сцена из оперы Римского-Корсакова «Майская ночь» в постановке Государственного Академического Большого театра.

Фото В. Борисова

ГОГОЛЬ В МУЗЫКЕ

Беседа с генеральным секретарём Союза советских композиторов Т. Н. Хренниковым

Своей высшей литературное наследие великого Гоголя воплощает русских номинаторов, от прославленных до менее значительных представителей отечественной музыкальной культуры. Их выношение особенно привлекали «Вечера на хуторе близ Диканьки». Своей жизненной правдой, своеобразной вымысла, смешением фантастики с реализмом, глубокой народностью, сочным юмором национальным колоритом, поэтичностью и наглядностью богатейшего языка «Вечера» — первыми дарила самого Пушкина.

На сюжеты «Вечеров» создан ряд опер. Лучшие из них пополняют золотой фонд русской оперной музыки. Широкой популярностью неизменно пользуется опера Чайковского «Черевички» (прежнее название — «Кунцек Вакула») на сюжет повести «Ночь перед рождеством». Эта опера — любимое детище Чайковского. Оперы «Ночь перед рождеством» написаны и Римским-Корсаковым (прежнее название — «Кунцек Вакула»), украинским композитором Лысенко («Гражданин Мча») и оперы «Вечера на хуторе близ Диканьки» советского композитора Асфендиарова (прежнее название — «Кунцек Вакула»). Соавтором музыкального текста имени Станиславского и Невгирова-Чайковского. «Майская ночь» — одноименную оперу, а также Лысенко («Утопленница»), Соавщиком и не успевшего завершить свой замысел Серова, «Сорочинская ярмарка» замечательна названием музыкальной комедии советского украинского композитора Рахова. С горячим интересом работал Мусоргский и над оперой под Иваном Купалом Коудушина Арнольда, «Страшная месья» — Кочетова.

На тему великопейной исторической повести Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» борьбу украинского народа за национальную независимость, известны оперы Лысенко, Асфендиарова, Кашперова, Вильба, Соавщиком («Сада Дубно»), а также два советских балета — Солонина-Садого и Гайсара. «Тарас Бульба» Глазера предназначен и постановке Большим театром и ставленными гоголевскими театрами. В ГАБТ возобновляет оперные спектакли «Черевички» Чайковского, «Майская ночь» Римского-Корсакова и заново — «Сорочинская ярмарка» Мусоргского.

И обилие Гоголя детально готовятся музыкальными театры нашей страны, русские и национальные. Опера «Черевички» пойдёт в десяти театрах: «Майская ночь» — шести, «Утопленница» Лысенко — двух, «Сорочинская ярмарка» — шести, а также в репертуаре Рахова — в десяти, «Тарас Бульба» Лысенко — в тридцати театрах. Самые выдающиеся театры работают над разнообразной концертной программой, построенной на произведениях Гоголя.

Память гениального реалиста-сатирика будет оставаться в творчестве профессиональных театров, но и многочисленные столетние и периферийные музыкально-вокальные и хоровые ансамбли самодеятельные коллективы. В их репертуаре открыты из опер, вдохновлялись Гоголем, литературно-музыкальные монументы по его текстам. И любимой дате приурочено издание специальных исследовательских работ, отражающих связь Гоголя с любимой им музыкой.

Таков в годину черт памят периферий, которыми советская музыка отмечает столетнюю годовщину со дня смерти Гоголя — гениального русского художника слова.

Донского» и «Горе от ума», имел особенное искусство пускаться из трубки длинными так удачно, что вдруг мог вынуть их около десяти одно из другого. Умел очень приятно раскатывать анекдот о том, что пушка сама по себе, а елиногор сам по себе».

Слова «множество талантов» Гоголь употребляет здесь в противоположном значении, подчеркивая этим поверхностность, легкомыслие Пирогова и выражая своё насмешливое отношение к нему.

Совершенно своеобразным языком описана красавица. Это романтический образ. Отсюда и романтическая восторженность, приподнятые, сверкающие краски в описании её красоты.

Эпитеты: «солнечными белизна», «тепл обворожительна», «сладкие приказания»; сравнение: «волос, сверкающие, как агаты, голос, «как арфа»; метафоры: «она была какою-то ужасною ветвью адыского дуба... брошена с хохотом в свою пучину», уста, были замкнуты деснами ром прелестнейших брызг».

Синтаксическое построение речи тоже соответствует романтическому содержанию образа: очень много восклицаний, в которых удивление, восхищение красотой: «О, какой небой какой рай! дай сила, создай, перенеси это! Жизнь не вместит его,

он разурнит и унесёт душу!» «создаст, как гадюка чудесная прелесть» «восторженности, стремительности, страстности. Это достигается употреблением большого количества синонимов, поставленных рядом: «Она востанет, восторженнейшая, дерзавшая весь мир, весь рай, всё богатство страстного супруга, его идеал, его таинственный образ, оригинал мечтательных картин».

Этот резкий контраст между её необожравшей красотой и ужасным положением усиливает трагичность образа. Положение девушки вызывает к ней не презрение, не отвращение, а ужас и «разрывающую жалость».

С другой стороны, восторженные возгласы раскрывают психологию и восприятие Пискарёва-романтика. Ему, восторженному мечтателю, девушка представляется как-то несемным существом. Поэтому и краски, которыми нарисован её образ — яркие, сверкающие, ослепительные.

«Невеский проспект» — это мир контрастов, и эта разбавляющая особенность произведений Гоголя — его страсти похврату автором тем великодушным и тоным оружием, каким является наш богатый и выразительный русский язык.

Иностранное СХОДСТВО

Рисунки М. Щеглова

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ПАКТ

«...И страшная свиная рожа выставилась, поведя очами...»
(«Сорочинская ярмарка»)

АМЕРИКАНО-АНГЛИЙСКИЕ НЕЖНОСТИ

«Черт между тем не на шутку разнежился у Солохи...»
(«Ночь перед рождеством»)

АМЕРИКАНСКАЯ ХИВРЯ И ВАТИКАНСКИЙ ПОПОВИЧ

Хивря: «Вот я уне и не знаю, какого вам ещё кушанья
хочется...»
(«Сорочинская ярмарка»)

Собакевич: «Ведь я продаю не лапти».
 Чичиков: «Однимом, согласитесь сами: ведь это томе и не люди».
 («Мёртвые души»)

«Накой вселивный ситцец... Прасковья Фёдоровна, однакоже, находит, что лучше, если бы клеточки были поменьше, и чтобы не коричневые были крапинки, а голубые...»
 («Мёртвые души»)

ЧЕРТОВА РАБОТА

«Схватил он обеими руками месяц... поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чём не бывал, побегал далее...»
 («Ночь перед рождеством»)

ЭТО БУДЕТ!

«Ухватил всадник страшною рукою молдуна и поднял его на воздух».
 («Страшная месть»)

— Ну, в этом не только моя заслуга. У нас весь коллектив хоть куда. Особенно молодёжь, наши орлята...

Далеко за полночь гремел аплодисментами, сверкал огнями Дом культуры. На сцену один за другим выходили хоры, танцевальные и драматические коллективы колхозов, расположенных близ Диканьки.

Прошли те времена, когда люди своё веселье вымывали за звуком, всегда неуловимым с ушами. Новое, советское время принесло другие, близкие нам слова: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живётся, работа спорится».

СОРОЧИНЦЫ

Большие, или, как их здесь, на Полтавщине, зовут, Великие, Сорочинцы действительно великие. Здесь родился Николай Васильевич Гоголь.

В самом центре села, в сквере, среди подстриженных алкаш, стоит памятник генеральному землёлю сорочинских жителей. Дом, где писатель родился, сожгли при отступлении немецкие фашисты. Сейчас на этом месте выстроено новое, красивое здание со шведскими окнами, высоким и светлым. В нём Музей имени Гоголя. Здесь же, в Сорочинцах, и колхоз его имени.

Грицько Мышастый, секретарь комсомольской организации колхоза, на собрании был озлоблен.

— О чём загорюнился, Грицько? Отдавай волю за двадцать! — пошутили его заместитель Николай Прохватолюк, широкий в плечах паренёк, ладно сложенный, видимо, неплохой спортсмен; он частично любил представлять перед девчатами выгана из «Сорочинской армарки».

— Перестань, — оставил его Мышастый. — Дело серьёзное. Техник, который монтирует радиоузел, просит в помощь несколько человек. Кто из комсомольцев хочет пойти? — Грицько обвёл глазами присутствующих.

— А девушкам можно? — спросила Нада Ятушенко и зардеется от смущения.

— Зачем вам по столбам лаять? — сказал Николай. — Ребята пойдут...

Позднее Нада Ятушенко и Нина Иващенко незаметно окончили миргородскую школу швейцов, в комсомольской организации их, девчат, только двое, поэтому комсомольцы относятся к ним с шутливым вниманием, оберегают их и, надо прямо сказать, сами же попрекают за это.

— Ну, так кто? — спросил Мышастый. Откликнулись сразу трое: Пётр Ханко и два Василья — Лебедев и Улясько!

— Радио — вещь хорошая, дамжечка! На этом же собрании комсомольцы решили в ознаменование 100-летия со дня смерти Гоголя посетить ещё раз музей, прослушать лекцию о жизни и творчестве великого писателя.

Когда после собрания все уже вышли на улицу, Мышастый ещё раз напомнил:

— В понедельник приходите на полнотубу. Будет заключительное занятие по биографии товарища Сталина... Ты, Лёша, — он обратился к комсомольцу Алексею Пашуку, — как самый аккуратный, проследи, чтоб никто не запамятовал...

Комсомольцы шли по Сорочинцам, живописно раскинувшимся над Покбом. В конце села, в многоэтажном здании педучилища, окна были ярко освещены.

— Сегодня выпускной вечер у них, — сказала Нада Ятушенко. — Ещё сто двадцать учителей... Я тоже обязательно буду учиться дальше!

— А кто у нас, в Сорочинцах, не учится? — удивился Николай. — Три школы в селе, педучилище, школа механиков, сеть партпросвещения... А разве в клубе мы не учимся? То лекция, то постановка! И районную библиотеку из Миргорода у нас разместили, и радиоузел свой...

В сельраде в это время тоже горел огонь. Заместитель председателя сельрады Иван Никифорович Довгаль после совещания, складывая бумаги, говорил колхозникам:

— Есть великая миссия, что зимой вся работа колхоза должна идти только на фермах... Это в старое время казак до весны лежал на печи, надеясь на бога. Нам на бога рассчитывать

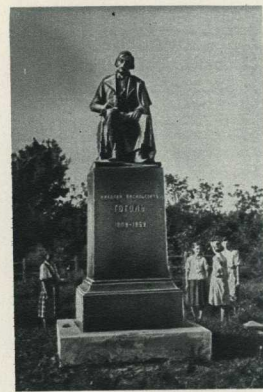
Дом культуры в селе Дныльни, Полтавской области.

ФОТО М. АЛЬПЕРТА

вать не следует. Хочешь получить высокий урожай — выходи на поля удобрение да снегозадержание проводи... Зимой самая работа на полях.

В сельраду вошёл лесничий Гоголевского лесничества Иван Иванович Рошенко, сиял шапку.

— Ты ко мне? — спросил Довгаль. — К тебе. Идём, а то опоздаешь... Времени-то уж мало осталось...

Памятник Н. В. Гоголю в селе Большие Сорочинцы, Полтавской области.

ФОТО Л. ЗИНВЕРТА

— Сейчас, сейчас... — затормозил Довгаль. — Куда это ты, Иван Никифорович? — спросил кто-то из колхозников. — Что за дела у тебя завелось, о которых мы не знаем?

Иван Никифорович, улыбающийся, смущённый, должен был открыть «великую тайну»: — На репетицию опаздываю, в клуб. Я в «Женитьбе» Ячичну играю.

— Довгаль с Рошенко вышли, протиснувшись со всеми, а колхозники догаде эти шутили:

— Наши Иван Иванович с Иваном Никифоровичем не поссорятся, это не то что марионетки. Наши — народ дружный, а уварожени живуть, общее дело делают, для народа...

Они и не подозревали, что как раз в эту минуту, по дороге в клуб, Иван Иванович соррился с Иваном Никифоровичем.

— Одной артективиан, Иван Никифорович, мал в современном сельском хозяйстве. Агротехнология нужна, — доказывал Иван Иванович. — А вы народ неповоротливый...

— Это я-то неповоротливый? — возмутился Иван Никифорович. — Я, который во всём подерживаю тебя, первый откликнулся? Разве мало мы ссалили...

Но тут они пошли до клуба и скрылись за его дверью. На улицах снова стало тихо, и только какой-то приезжий спрашивал встречного сорочинца:

— Вы не скажете, как пройти в Музей Гоголя?

МИРГОРОД

Нет иначе и в Миргороде прежних Довгучуков и Перепенюков. Нет и знаменитой лужи, служившей единственным украшением города и которую городничий стыдливо называл озером. На её месте стоят высокие красивые дома. Рядом с бывшей лужей открыт источник целебной минеральной воды «Мирда», и многоэтажный горос.

Курорт, большая железнодорожная станция с вместительным благоустроенным вокзалом, керамической техникум, школы, заводы превратили Миргород из захолустья в шумный и многолюдный город.

С приходом советской власти здесь проснулась сама земля. Её богатые недра дают стране и целебные воды, грязь, и ценные глины для керамического производства, и многое другое.

Техник-оператор Миргородской геофизической экспедиции комсомолец Пётр Волянский — один из новых людей нового Миргорода. Он с увеличением много часов подряд может рассказывать о том, какое это замечательное дело — разыскивать «клады» земли. Не с помощью Баскрива и колдовского штека папоротника раскрывается перед ним тайна глубоко залегающих геологических пластов — сложнейшая отечественная аппаратура приходит на помощь комсомольцам каротажной партии.

Миргородский курорт. Здесь отдыхают и лечатся тысячи трудящихся.

Фото Л. Звертца и Р. Мазелева

— Каротаж,— охотно объясняет Вольтский,— это электрическое исследование земли. Заглатывание пластов, мощность, сопротивляемость, их температура— всё можно узнать при таком способе исследования. Специальные приборы фиксируют данные... Автоматика всё чаще приходит к нам на помощь, и, пожалуй, мы, техники, скоро инженеры догоним... Впрочем, инженеры тоже на месте не стоят...

Лаборатория Петра Вольтского смонтирована в автомашине. Парты, вызванная по радио, может в любую минуту выехать в указанный район и начать работу.

В долгие зимние вечера в домике на колёсах тепло, горит свет и рабочие на досуге слушают, как кто-нибудь из техников, Вольтский или его «апариница» Степанида Кривоносова, читает вслух книгу.

Однажды, когда Пётр, окончив чтение, медленно закрыл книгу с надписью на обложке «Н. В. Гоголь, Мёртвые души», кто-то удивлённо воздал:

— Неужели люди могли так жить, а? Даже не верится! И ведь мы по этой самой земле ходим, где Гоголь ходил. Ничего похожего не осталось!..

...

...Украинская ночь. На небе ни звёздочки. Мягкое, низкое, оно полно клубящихся обла-

ков. Ветер несёт над степью запах свежести, запах сырой земли.

Но вот прощурит по шоссе дневальный автобус, освещая текучим белым пламенем дорогу. За поворотом, словно упавшие на землю звёзды, внезапно вспыхнут на горизонте электрические огни, и село, запрятанное в садах, слушает «Черевчак», разносится радиорепродукторами.

Вот и изгиб реки Ворсклы, Пёса, или Хорыла, или какой-нибудь безымянной речушки, и до вас дометит приглушённый шум воды. Это молчанье электростанции. Где-то во мгле слышно лые думы, бродяг фары работающего трактора: это уже беспокойный «голова», председатель колхоза, начал пахоту— не терпитс ему, не ждётс...

Всё за стеклом машины уходит назад, чтобы впереди предоставить место другому свету, другим огням и шумам, а то и городу, и так во все стороны, до самых границ советской Родины.

И какой же писатель, из глубины веков не почёт бы за счастье хоть одним глазом взглянуть на эту жизнь, не почёт бы за счастье воспеть живую душу нового человека? И невольно на память приходит слова, взмещающие на этой лоще, взмещающие здесь столетие назад, о том, что нет такой силы, «которая переслала бы русскую силу».

ИЗ БИОГРАФИЧЕСКОХ ХРОНИКИ

Николай Васильевич Гоголь родился в 1809 году на Украине, в местечке Сорочинцы. Детские годы писателя прошли в Васильевке, маленьком поместье его отца. По окончании Невской гимназии (1828 год) молодой Гоголь попадает в Петербург, где, с короткими перерывами, прожил семь лет. Здесь в 1829 году под псевдонимом В. Алов Гоголь издает первое свое произведение— немецкую адаллюю в стихах «Ганц Кюхельгарген». Идиллия успеха не имела, и Гоголь, тяжело пережив неудачу, решил навсегда отделиться от стихов. Выступая в печати с рецензиями и различными статьями, он собирает материал для будущих «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

В 1830 году в журнале «Отечественные записки» появляется первая вещь из этого цикла, «Басаржон, или Вечер накануне Ивана Купала». Весь этот цикл украинских повестей и рассказов, объединённых в сборники «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород», был закончен уже в 1834 году.

В 1831 году Гоголь знакомится с Пушкиным и Жуковским.

В 1832 году Гоголь поступает старшим преподавателем в Патристический институт, а через два года становится профессором Петербургского университета по кафедре всеобщей истории.

В петербургский период создаются драматургические произведения: «Владимир 3-й степени», «Женитьба», «Гробовый и наковаль», «Ревизор». Здесь же, в Петербурге, в 1834 году Гоголь начинает работать над поэмой «Мёртвые души» и одновременно пишет ряд произведений из жизни чиновного круга: «Записки сумасшедшего» (1834 год), «Нос» (1835 год). Тогда же появляется его красочный рассказ из жизни помещицы среды— «Колдунья».

В 1836 году Гоголь затрагивает и другую тему— трагедию слесаря творческого труда. Это прежде всего отражено в «Невском проспекте» и «Портрете». Обстоятельства царской России заставляют Гоголя навсегда покинуть родину. За границу, больше всего в Италию, он прожил (с перерывами) с 1836 до 1849 года. В 1839 году вышла в свет повесть «Тарас Бульба». В Риме Н. В. Гоголь продолжает работать над первой частью «Мёртвых душ», которую заканчивает в 1841 году, и приезжает в Россию.

То обстоятельство, что за границей Гоголь всегда был окружён ханжамии и святошами, резко сказалось на его душевном состоянии. В результате этого в 1847 году появляется его «Выбранные места из переписки с друзьями», за которыми так гневно обрушился на Гоголя Белинский.

В 1849 году, окончательно вернувшись из-за границы, Гоголь поселился в Милеве и начал работать над второй частью поэмы «Мёртвые души». 10 февраля 1852 года писатель съжг рукопись второго тома.

Николай Васильевич Гоголь скончался 4 марта (по новому стилю) 1852 года в Москве.

Учащиеся Миргородского керамического техникума и 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя изготовили красивую керамику.

В школьном саду села Ярески, Полтавской области. На снимке группа школьников под дубом, посаженным, по преданию, Николаем Васильевичем Гоголем.

Фото В. Игнатовича

Музей Н. В. Гоголя в селе Большие Сорочинцы.
На снимке: общий вид нового здания музея.

Фото В. Игнатовича

Н. ГОГОЛЬ

Тарас Бульба

Отрывок

...Уже редели сильно козачьки ряды; многих, многих храбрых уже не досчитывались; но стояли и держались ещё козачки. «А что, паны!» перекакнулся Тарас с оставшимися куренями: «Есть ли ещё порох в пороховницах? Не испугались ли сабли? Не утомились ли козачья сила? Не погнулись ли козачки?»

«Достанет ещё, батько, пороху! Годятся ещё сабли; не утомились козачья сила; не погнулись ещё козачки!»

И рванулись снова козачки так, как бы и потерь никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Чорвоном уже весели красные реки; высоко гетались мосты из козачих и вражчих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов. Ну, будет кому-то пожинать! А уж там подняли на копья Метельцы. Уже голова другого Пысаренка, завертвшись, захлопала очами. Уже подомились и бухнулись о землю начесть изрубленный Охрим Гуска. «Ну!» сказал Тарас и махнула платком. Понял тот знак Остап и ударила сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержал сильного напору ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были убиты в землю колья и обломки копыльев. Пошли спотыкаться и падать кони и асгать через их головы ляхи. А в это время корстунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, гринули вдруг из самопалов. Все сбился и растерялся ляхи, и приободрились козачки. «Вот и наша победа!» раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и кричали разбитые ляхи. «Ну, нет, ещё не совсем победа!» сказал Тарас, глядя на городские стены, и сказал он правду.

Отворялись ворота, и выехали оттуда гусарский полк, красна всех конных полков. Под всеми видными были все, как один,

бурые аргамаки. Впереди перед другими повесся витязь всех бойчей, всех красивее. Так и асгали чёрные волосы из-под медной его шапки; вилян завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, сбываясь пылом и жаром битвы, жадный засаужит навязанный на руку подарок, повёсся, как молодой борзой пёс, красивейший, быстрейший и молодой всех в стае. Атукнула на него опытный охотник, — и он повёсся, пнув прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись набок всем телом, взрывая снег и доедая раз выперкывая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорожку, разгнул, рубил и слыла удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как!.. Своих, чортот сын, своих бьёшь!» Но Андрий не различал, что пред ним был, свои или другие какие; ничего не видал он. Кудри, кудри он видел, даинные, даинные кудри и подобную речному лебеду грудь, и снежную шею, и плечи, и всё, что создано для безумных поцелуев.

«Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!» кричала Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрейших козачков заманить его. И, попрыгав на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо из перерез гусарам. Ударил сбюку на передних, сбмаи их, отдавали от задних, дали по гостинику тому и другому, а Голокопытенко хватил пашма по спине Андрия, и в тот же час пустился бежать от них, сколько достаю козачьей мочи. Как вскинулся Андрий! Как забуговал во всем жилак молодой кровью! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козачками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспе-

вать за ним. А козаки лезли во все прыть на конях и прямо ворвались к Голызне. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не достигнул Головопытника, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Остановил Андрия: пред ним Тарас Затрясло от всем телом и вдруг стаа беглен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкой по лбу, вскакивает, как огонь, бешеным выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный прорыв, и упадает бесцельная злость. Подобно ему в один миг пропав, как бы не бывав вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собой одного только страшного отца.

«Ну, что же теперь мы будем делать?» сказала Тарас, смотря прямо ему в очи. Но ничего не умел на то сказать Андрий и стога, утнувшись в земаю очи.

«Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?»

Андрий был безответен.

«Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!»

Покорно, как ребенок, слез он с коня и остановился ни жив, ни мёртв перед Тарасом.

«Стой и не шевелись! Я тебя породил, и тебя и убью!» сказал Тарас и оглушительный шаг за шагом двинулся к сынку. Беглен, как долосто, был Андрий: видно было, как тизко шевелились уста его, и как он проносил чьё-то имя; но это не было имя отчины, или матери, или братьев—это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелял.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почувывая под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сиюбуяния и гаялда догао на бездыханный труп. Он был и мёртвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силой и несобойного для жён очарования, «ну, ещё выражающее чудную красоту; чёрные брови, как траурный бархат, оттеняли его помяденные черты. «Чем бы не козак был?» сказала Тарас: «и столько высойки, и черновобойи, и лицо, как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесцельно, как подлая собака!»

«Батко, что ты сделал? Это ты убил его?» сказала подыхавший в это время Остап.

«Я, сынку», сказал Тарас, кивнувши головою.

Пристыло поглядя мёртвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же: «Продадим же батко, его честно звать, чтобы не поругались над ним враги и не рассказали бы его тело किसी пизде!»

«Погребу его и без нас!» сказал Тарас: «будут у него пакальнички и утешнички!»

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищенные волам-сырмаках, или поладить в нём рышарскую добысть, кокую хробрый должен увидеть в чём бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Головопытник: «Беда, атаман, окрели ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!» Не успев сказать Головопытенко, скачет Вовнузенко: «Беда, атаман, новая ваял ещё сила!».

Не успев сказать Вовнузенко, Пысаренко бежит бегом уже без коня: «Как ты, батку? Идут тебе лозки. Уж убил куренной атаман Новачеткий, Задоренко убил, батку, куренной убил. Но стой козак, не хотат умереть, не увидел тебя в очи; хотат, чтобы взглянула ты на них перед смертным часом».

«На коня, Остап!» сказал Тарас и слышит, чтобы загаты ещё козак, чтобы поглядеть ещё на них, и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана. Но не выехали они ещё из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копыями.

«Остап! Остап, не поддавайся!» кричал Тарас, а сам, схватившись саблею ногою, начал чистить первых попавшихся на все бока. А на Остапа уже выскакноа вкруг шестеро; но не в добрый час, видно, выскакноа с одного поалавля голова, другой перерезался, отступивши; угодило копыём и ребро третьего; четвертый был потаажива, уколосил головой от пули, и попова в конскую грудь горячая пуля,—вздыбился бешеный конь, грянуло о земаю и задвину под собою всадника. «Добре, сынку! Добре, Остап!» кричал Тарас: «вот я слезою за тобой!» А сам всё отбивался от наступающих. Рубится и бьётся Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперед на Остапа, и видит, что уже вновь схватился с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап! Остап, не поддавайся!» Но уж одолевает Остапа; уже один начался ему на шею аркан, уже влекут, уже влекут Остапа. «Эх, Остап, Остап!» кричал Тарас, пробиваясь в тизму, рубя в каплету встречных и попережных. «Эх, Остап, Остап!» Но, как тяжёлым камнем, хватило его самого в ту же минуту. Всё закружило и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули пред ним головы, копыя, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнуло он, как подрубленный дуб, на земаю. И туман покрыл его очи.

Сцена из II действия комедии «Женитьба». Слева направо: В. Азаров (Аграфья Тихоновна), П. Лувиниченко (Ивичинца), фото З. Вразловского

«ЖЕНИТЬБА» НА КЛУБНОЙ СЦЕНЕ

Посреди комнаты стоит старуха и, злобно сверкая глазами, кричит в спину издали идущему сыну: «Да у меня пуста танка и здание женихи, обшарили и всякие, да уж таких, чтобы пригнали в она, танк нет, прошу простить. Ещё если бы в двери вышибал—нио даго, а у них жених да шымигул в оною—уж тут просто мой почтение!»

В зале тишина. Шелестит занавес, закрывая сцену, но перед глазами зрителя всё ещё стоит, как живые, персонажи гоголевской комедии «Женитьба», люди, пронизанные «электричеством» голого чистотана, малые, уродливые титы, сведенные в свох страстихана, титы, навевшие ушедшие в прошлое и запечатлённые в назидание потомству величайшим писателем-реалистом Н. В. Гоголем.

В этом году исполняется 15 лет со дня основания драматического колледжана клуба «Прометей». Руководит коллективом профессор С. В. Попов.

Кружокими умело сочетают занятия любимым искусством с производственными успехами. Участница коллектива Шура Юрьева пришла на занятия учеником слесаря. Сейчас Юрьева—опытная, квалификация работница-стахановка. Вышши электромонтер Анатолий Еринов теперь работает старшим мастером чуха. Стала конструктором бывшая копирщица Ваяла Азарова. Твёрдый распорядок занятий в коллективе, умелое планирование репетиций позволяют участникам создавать интересные, яркие спектакли без «турмувоващи», без ущерба для основной работы на заводе.

Комедия Гоголя была поставлена коллективом клуба «Прометей» в дни московского городского смотра художественной самодеятельности. Постановка была отмечена грамотой МГСПС и Московского городского комитета по делам искусства.

Недавно в клубе состоялся общезаводской вечер ученичского художественной самодеятельности. Торжественно в переложении были вручены «Поклазные» листы: мастера электромонтажности людям, которые успешно сочетают свою стахановскую работу с участием в художественной самодеятельности: слесарю А. Юрьеву, начальнику проектного бюро Р. Малюту, начальнику чуха П. Лувиниченко, заместителю начальника чуха С. Галинскому. Получили благодарности и награды также ученики коллектива В. Азарова, А. Черненко, А. Галинский и другие. Работа над образами гоголевской комедии духовно обогащает участников постановки. Исчине стали видны ми титы дальнего тыльного прощого помещика-дворянина! Россияне понимают гоголевская злость на всё то, что противит истинную красоту человека».

Готовясь широко отметить знаменательную дату—столетие со дня смерти Николая Васильевича Гоголя—клуб заводу «Прометей» устраивает выставку материалов о жизни и творчестве величайшего русского писателя. На торжественном вечере, посвящённом памяти Н. В. Гоголя, после лекции снова будет поставлена его бессмертная комедия «Женитьба».

Т. НИКОНОВА

II действие комедии «Женитьба». Исполняют: С. Галинский (Клеван), Р. Малюту (Анучини), Б. Филиппов (Подкопелсин), С. Черненко (Ивичинца).

1. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит!

2. Как я — нет, как я, старый дурак! Вышел, глупый барак, из ума!

3. Трёх губернаторов обманул...

4. Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрит, как одурячен городинчик!

Михаил ЖАРОВ,
народный артист СССР

Передо мною лежит узкий повеленный лист, на котором непрыгучим нашему глазу шрифтом вычитываю: «В Малом Театре русскими придворными авторами представляли будет «Ревизор», оригинальная комедия в прозе соч. Н. В. Гоголя. Будут играть роли: Г. Щепкин — Гуродиничев».

Эта афиша, являющаяся уникальным экспонатом для музея, мне, артисту советского Малого театра, работавшему над образом излюбленной комедии, говорит и напоминает о многом.

«Ревизор» — бессмертная сатира, одно из величайших реалистиче-ских произведений мировой драматурии — с огромной силой разоблачает систему произвола и беззакония, систему поработыния народа правительственной бюрократией царской России.

И если сила смеха так велика, что ее боится... стало быть, ее не следует трогать, попусту — писал Гоголь, — я решился собрать все лучшее, новое только я знал, и за одним разом над всем пометаться! — все происхождение «Ревизора»!

Так родился для русской сцены и слава русских авторов комедии и ее чины, замечательные во всей художественной значимости, жанровой правде, глубине типизации и обобщительной силе.

Как известно, Гоголь был весьма недоволен первым исполнением «Ревизора» артисте Александром Щепкиным. Он просил великого русского артиста и своего любимца Щепкина пойти на себя труд по-новому поставить «Ревизора» в Малом театре и распределить роли по своему усмотрению. А. М. Милову Щепкин — писал Гоголь в письме к другу: — десять ролей в одной по-

медии, на которую хочет пусть танго и берет, диало может разом все играть».

Гоголь и Щепкин — это не случайная встреча: это история длительной творческой дружбы и принципиальных высказываний и принципиальных художников, которая возникла во время их кропотливой работы над ролью.

В результате многолетней работы великого артиста городинчик в исполнении Щепкина стал фигурой, от которой, по свидетельству современников, «был в восторге сам Гоголь». Образ стал традиционным для поколения последующих исполнителей.

Мы, советские артисты, обязаны эту традицию критически изучить и обрешать всё ошибочное, ненужное, наносное и у Гоголя и у Щепкина, работать над образом городиничего в своих показаниях, творчестве; обязаны применять и научные данные марксистско-ленинского эстетизма.

Вот почему, говоря о моем городиниче, я так много говорил о Щепкине. Вот почему мне так дорога эта маленькая петиция афиша, которую я и берегу как самый интересный документ истории нашего общества, нашего русского театра.

Мне остается сказать всего несколько слов о моем городиниче, несколько потому, что говорить много ещё не о чем. И ещё работаю и буду много работать, ибо каждый момент встреч с «Ревизором» открывает новые краски и новые интересные положения, которые всегда требуют тут же проверки правды жизни, потому что явная и скрытая форма, в которой написана комедия, таинит и неисторичному «коммунистично» отдельных мест, иногда к излитиему

Мой городиничи

гротеску: «Раз отрицательный, злая, его одной чёрной краской.»

Очень труден для артира заключительный монолог: «Нечу смеётся!». Во-первых, это конец пьесы (5-й акт), и исполнитель уже успеет устать физически; требуется огромное мастерство, техника, чтобы распродавать сцену и не «выдохнуть» и монологи, а, во-вторых, сложна и исполнителю имеется в списке городиничих, столько и разных трансюгов.

И считаю, что городинич в заключительной сцене совершенно обоснован: он видит крах всего — и никакого сочувствия никому — «явку свиные рыла». Он обман, он плачет и вдруг, как сумасшедший, начинает присутствовать к колониальному и шлоптом, в ужасе произносит: «Разнесет по всему свету историю» — и следующие слова, вдруг в испуге лино кричит: «Нечу смеётся!» — и падает совершенно отключенный, а спустя минуту с переключением от этого лицом, готовый слова встает, просто кричит: «Ито первый выгустил, что он реви-зор!».

Вот такое движение страстей и видел в этом монологе. Но меня смущали, несмотря на верную расстановку оркестровой палы, высказывания отдельных товарищей, несогласных с такой трактовкой, пока я, и своему счастью, не обнаружил, что Гоголь устали комиче-ского артиста говорит: «Городинич был в этот момент в беспамятстве и почти в бреду». И успокоился, так как правильность моей трактовки подтвердил автор.

Вот те несколько слов и мыслей, которыми я хотел с вами поделиться, мои дорогие друзья!

5. Вот он теперь по всей дорожке занимает колониально! Разнесет по всему свету историю.

6. ...Найдётся чиновник, бумаго-марана, в комедии тебя оставит. Вот, что обидно!

7. Чему смеяться? над собою смеяться. Эх, вы!

8. Вот, подлинно, если бог хочет наказати, так отнимет премудрство.

9. Вот просто ни на поминичина не было прошлого — и вдруг все: ревизор, ревизор!

10. Это первый выгустил, что он ревизор? Отчаивайте!

«...В Исландии есть король. Он отыскался. Этот король я...»
(«Записки сумасшедшего»).

«В индиз свою он не был ещё так сильно распылён генералом, да ещё и чужим...» (Шинель).

НОВЫЕ РУКОПИСИ Н. В. ГОГОЛЯ

Изучение писателя и его творческого метода продолжается коренным образом, создавались его произведения, знакомство с рукописным наследством писателя. Первоначальные и черновые редакции помогают выяснить эволюцию идейной направленности писателя. Поэтому находка каждой ранее неизвестной рукописи писателя расширяется учёным как новый шаг к более глубокому познанию его творчества и его личности.

Гоголь умер сто лет назад, однако до сих пор первоначальные и черновые редакции ряда его произведений оставались неизвестными. Так, из повестей, входящих в состав «Вечеров на хуторе близ Диканьки», до сих пор не были известны рукописи черновых редакций повестей «Страшная месть», «Заводилова мест», «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», Прелюдия к I и II книгам «Вечеров». Не так давно при разборке и описании архива известного историка и археолога И. Е. Забелина (1820—1908), хранящегося в Государственном Историческом музее, была найдена папка бумаг, завернутая в епрескурент семем 1864 г.з., с надписью рукою Забелина: «Автографы Гоголя»; в ней оказались черновые рукописи повестей «Страшная месть» (12 первых глав из 16), «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка» (соответствует печатному тексту), а равно Прелюдия ко II книге «Вечеров» и начало Прелюдия ко I книге «Вечеров». В начале этих рукописей заглавия отсутствуют, а равным образом никаких подписей под ними нет.

В начале рукописи повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка» оказалась надпись: «На память о Михайле Семёновиче И. Е. Забелину от Кетчера». Эта надпись показала, что Забелину рукописи Гоголя передали известным переводчиком Шекспира Н. Х. Кетчером из числа тех, которые принадлежали знаменитому драматическому артисту Малого театра М. С. Щепкину, первому замечательному исполнителю роли горюдиного. (Щепкин умер

в 1863 году), ему они, вероятно, были переданы самим Гоголем. Наконец, на последних листе рукописи «Страшной мести» оказались рисунки карандашом: несколько геометрических фигур, рисунки дерева, голова заперочка с длинными усами и оселедец, две женских головки в модных прическах, эскиз спичной ножки женщины и изображение офицера, глядящего в открытое окно. Мы знаем, что Гоголь во время сочинения «Вечеров на хуторе близ Диканьки» учился по вечерам в Академии художеств; тематика же найденных рисунков относится или к учебным заданиям, или к темам творчества Гоголя, или же к впечатлениям петербургской жизни, поданным в реалистическом духе. Это приводит к выводу, что и рисунки эти принадлежат, очевидно, Гоголю. После такого изучения внешней стороны рукописей сомнений в их принадлежности Гоголю не остаётся.

Сравнение текста рукописи повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка» с печатными изданиями «Вечеров на хуторе близ Диканьки» 1832 и 1836 годов показало, что множительное числительное при издании этой повести действительно имело место.

В середине I главы («Иван Фёдорович Шпонька») и начале II («Дорога») дается описание перечтывания Иваном Фёдоровичем Шпонькой книги в таких словах: «...читал он гадательную книгу» (гл. I) и «заглядывая иногда в гадательную книгу» (гл. II). Если мы обратимся к рукописи черновой редакции повести, то увидим, что эти места здесь читаются иначе: «Читал библию и гадательную книгу» (гл. I) и «заглядывая иногда в библию и гадательную книгу» (гл. II). Совершенно ясно, что исключение слова «библия» произвела духовная цензура, тем более что эта «священная» книга оказалась поставленной здесь рядом с гадательной книгой. Если же вспомнить, что практика гадания в древней

Руси хорошо знала использование для этой цели халаты, входившие в библию (Владимир Мономах рассказывает в «Поучении» о своём подобном поступке); то умышленно, а Гоголем рядом гадательной книги и библии станет понятным.

Наконец, в главе I («Иван Фёдорович Шпонька») описывается, какое на него впечатление произвела история с библией; в печатном тексте повести мы читаем: «Он не имел никогда желания вступить в штатскую службу, видя на опыте, что не всегда удаётся хоронить концы». В черновой рукописи эта фраза читается несколько по-иному: «...что лихонимы не всегда удаётся хоронить концы». Последняя фраза гоголевского текста утверждала, что лихонимы, как правило, умеют хоронить концы своих злоупотреблений, и особенно на штатской службе, но бывают случаи — и гораздо реже, когда это им не удаётся. Такая фраза нужно было обобщать, о чём и позаботилась, конечно, цензура, изменив её путём выключения из неё слова «лихонимам».

Примером вариантов к гоголевскому печатному тексту может служить рассказ о встрече Ивана Фёдоровича Шпоньки с Григорием Григорьевичем Сторожко (Сторенком) на постоялом дворе. В печатном тексте мы читаем здесь следующее: «А что это?» проговорил он коротким голосом, вознехавшему своему женому, мальчику в козачьей свитке.» В рукописи черновой редакции Григорий Григорьевич говорит, наоборот, громким голосом, обращаясь к лакею, мальчику в козачьей свитке. С образом Григория Григорьевича не является его обращение к салтыр коротким голосом, тем более что по дальнейшему тексту голос его затем «делается громнее и громнее»; равным образом мальчик в козачьей свитке далее называется то лакеем, то камердинером, но не женому, и в тогостом Григорий Григорьевича мы не можем предположить любящим к верховой езде. Если присмотреться к этому месту в рукописи, то мы увидим, что почерк Гоголя, вообще нечёткий, здесь оказывается очень неразборчивым, и написанное им слово можно прочитать и «громко» и «скромно». Такого же пример мы имеем в повести «Страшная месть»: Катерина, в печатном тексте в конце VI главы, выпустив колдуна, говорит: «Но муж мой... Я в первый раз обманула его, тем в найденном рукописном тексте первоначальной редакции мы здесь имеем любопытный вариант: «Я в первый раз обману его». Это ставит вопрос о тщательном текстологическом изучении указанных мест. Изучение найденных гоголевских рукописей и сравнение их с печатным текстом показывает громадную работу Гоголь над стилем своих повестей: рукописи испещрены массой поправок, перечёркиванием отдельных слов, выражений и целых фраз; вместо зачеркнутого пишется новое, вновь написанное опять исправляется, зачеркивается, затем исправления переходят иногда на поля, и в результате получается тот текст, который мы хорошо знаем теперь и который Гоголю славу гениального русского писателя.

Если черновая рукопись повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка» близка к первоначальному тексту и отличается от него только стилистически или за счёт цензурных пропусков, то этого нельзя сказать о рукописи повести «Страшная месть», которая содержит несколько ранее неизвестных эпизодов, выходящих за пределы повести. Интересным является небольшое отступление и повести сказкового характера, его мы и приводим целиком:

«Вы слышали ли историю про синего колдуна? Это случилось у нас в Царском. Страшное дело! На тринадцатом году слышал я это от матери, и я не умею сказать вам, но мне всё чудится, что это время спало с сердца моего немалого вестия. Вы знаете то место, что поныне Киева вёрст на пятьдесят отсюда, в то время, когда ещё не было той стороны также широк. Эх, река! Море, не река! Шумит и гремит, и как будто знает никого не хочет. Как будто сквозь сон, как будто нехотя шевелит разную водную равнину и обсыпается рыбью. А проглотится ли по нём

ГОГОЛЬ В МОСКВЕ

в час утра или вечера ветер, как всё в нём задрожит, засуетится: кажется будто то народ... собирается к завтрашнему вечеру. И если дрожит и свистит в кельях, как велья шерсть среди ночи. Что ж, господа, когда мы съездим в Киев? Грешу я, право, перед богом: нужно, давно б нужно съездить поклониться святым местам. Когда-нибудь уже будет тарасовская пора тут: мы с вами, брат Григорьевич, затворимся в келью, и вы также Тарас Иванович! Будем молиться и ходить по святым пещерам. Какие прекрасные места там!

Вы отметили, что значительная часть повести из «Странной истории близ Диканьки» имела особые вступления сказочного характера (как и каждая из двух книжек «Вечеров») или же эти вступления связывали органически с самой повестью. А «Странная история» такого вступления не имела. Между тем найденная рукопись показывает, что Гоголь сначала предполагал дать подобное вступление и к этой повести, но после, при печати, исключил его.

Приведённое вступление даёт ряд сведений автобиографического характера для рассказчика повести «Странная история»: он ускакал расказку про коздуна на тринадцатом году, от матери; впечатление от этого расказка было у него очень большое, у него даже спало с сердца немало весталки.

Это даёт право предполагать, что рассказ о коздуле сам Гоголь слышал от матери в тринадцатилетнем возрасте и затем, через девять лет, когда он писал «Вечера на хуторе близ Диканьки», попытался обработать его. Это не значит, что всё, что мы читаем у Гоголя в его повести «Странная история», им взят от матери: уже сравнение печатного текста и первоначальной рукописной редакции позволяет говорить, что ряд эпизодов и описаний внесены Гоголем уже после создания этого первоначального расказа; но зато расказка про коздуна, самый образ коздуна (убившего мать Катерину, мужа Катерину, её сына-ребёнка и её самою... — то есть всех членов своей семьи) — всё это Гоголь, очевидно, слышал от своей матери.

В этом вступлении к повести «Странная история» рассказчиком названы и гости Рулодо Панька, которых мы знаем до других повестям «Вечеров»: дьячок Фома Григорьевич и Тарас Иванович Курочка.

Приведём ещё окончание IX главы повести «Странная история», которая после смерти пана Давида и оплакивания его Катериной в печатном тексте оканчивалась прибытием из Киева старого есаула Горобца с отрядом на помощь Бурлукашу в его борьбе против дьяволов. В первоначальной редакции с дьяволами расправлялись сами козак пана Давида, организовавшие им отпор под руководством Стешко. Любопытно, что печатный текст сохранил следы такого рода событий в первоначальной редакции в X главе, где говорится: «Бросил он (коздуле); ему горька тринца, совершенной козакми (а не есаулом Горобцом) и над убитым паном своим».

Вот это окончание IX главы по первоначальной редакции.

«Покорите меня, покорите вместе с ним, засыпте мне от земли. Надвинте мне клееное доски на белые груди. Мне не нужна большая красота моя». — «Нет, пане, ты не станешь делать, что тебе хочется», — сказал Стешко. — «Ты должник, выполни то, что приказала тебе твой пан. При отходе души своей он завещал, чтобы ты берегла ему сына и вырастила его. Вы оставайтесь тут, хлопнуть», — продолжал он, оборотившись к обступившим его козакам и рыдающим, как малюпшиком, его коздуле, собравшимся. Пани уже усадили по наше горе и ворочаются назад. Сердце так чует, что уже шумят они в подвале. Мёды выотпечатаны, и вино хлещет из воронки. Улыбаются они тем живому навски, никому из них не выйти из себя. Мы отпоем кровяную панькуду своему пану». Блеском засеркала козакские очи, быстрее молнии взлетел он на коня, громко гукнул, и гук отдавался за горю, за лесом, за полем, и козак, как птица састелся на прыжок и с гиканьем обсыпал гору».

А. ПОЗДНЕЕВ,
кандидат филологических наук.

1. Малый театр в Москве, построенный архитектором Бове в 1824 году.

На сцене Малого театра в 1824 году была поставлена комедия Гоголя «Ревизор». Первый спектакль в котором роль горюродного инспектора исполнил русский актёр М. С. Щепкин, а Алёксанова — актёр Ленский, состоялся 24 мая. Он был повторён два дня подряд и ещё раз — через несколько дней. Успех был большой.

Спустя много лет, а именно в середине октября 1851 года, в Малом театре «Ревизор» смотрел автор. Игра актёров не удовлетворила Гоголя, и 5 ноября 1851 года он прочёл антраксом свою комедию от начала до конца сам.

2. Дом М. П. Погодина, в котором останавливался Н. В. Гоголь во время своего приезда в Москву в 1839—1840, 1841—1842 и в 1848—1850 годах (Погонинская улица, 12. Дом не сохранился). Гоголь жил в большой, светлой комнате верхнего этажа. Тишина и спойность, царившие в доме, располагали к работе. Гоголь много писал. Здесь в 1841—1842 годах он обработал первый том поэмы «Мёртвые души», а в 1848 году — второй том. 9 мая 1849 года, в день своих именин, Гоголь пригласил на обед московских друзей. Среди гостей был и находившийся в Москве проездом поэт М. Ю. Лермонтов. Он читал Гоголю свою поэму «Цыганы».

3. Дом М. С. Щепкина. (Большая Каретный, 16).

Когда Н. В. Гоголь летом 1832 года впервые приехал в Москву, он сам пришёл к М. С. Щепкину.

«В середине обеда вошёл новый гость, совершенно нам неизвестный... пишет в своих воспоминаниях сын Щепкина. — Гость остановился на пороге... оглянул всех быстрым взглядом, проговорил слова всемирно известной малороссийской песни:

Ходит гарбуз по городу,
Пытается своего роду;
Ой, чи знаши, чи здоровы,
Вси родичи гарбузовы?»

Неудержиме спор развязался... нашим гостем был Н. В. Гоголь...»

4. «Абрамцево» — подмосковное имение писателя С. Т. Аксакова.

Первый раз в Абрамцево Гоголь приехал 14 августа 1849 года. Семья Аксаковых принадлежала к числу самых близких друзей Гоголя. Николай Владимирович считал дружбу Аксаковых и интересовался мнением Сергея Тимофеевича о своих сочинениях. Вручачи Абрамцево, Гоголь прочёл Аксановым первую главу второго тома поэмы «Мёртвые души». Последний раз Гоголь пробыл в Абрамцево с 30 сентября по 3 октября 1851 года. Здесь, в Абрамцево, Гоголь много работал над вторым томом «Мёртвых душ».

5. Дом, в котором жил и умер Н. В. Гоголь. В декабре 1848 года Н. В. Гоголь поселился в доме Тильзинна, у графа А. П. Толстого (Суворовский бульвар, 7). Там ему были отданы комнаты в правой половине нижнего этажа, с окнами на улицу. В этих письмах проминя зими 1848—1849, 1849—1850 и 1851—1852 годов.

Здесь, на 12 февраля (по старому стилю) писатель совершил акт самоубийства, сжёг свой второй том своей бессмертной поэмы «Мёртвые души», а через восемь дней, 21 февраля (6 марта по новому стилю), скончался.

Н. ВЕРХОВСКАЯ

ДРУЖБА ВЕЛИКИХ

будет сильно смелой... Мне хочется в этом романе показать, хотя с одного бору всю Русь».

В этом же письме Гоголь настоятельно просит дать тему для комедии: «Сделайте милость, дайте название-нибудь сюжет, хотя какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот».

Писать тему Пушкин и дал Гоголю: это была тема «Ревизора» — комедии, явившейся поворотным моментом в творчестве писателя. Если до сих пор его произведения были привнесены автором извне, то в «Ревизоре» под непосредственным влиянием А. С. Пушкина задала тему, разная гоголевская ситуация.

А. С. Пушкин.

Рисун Н. В. Гоголя

Дружба Гоголя и Пушкина — важный образец творческого общения двух великих русских писателей, близких друг другу помимо личных отношений еще и общностью творческих принципов: Пушкин и Гоголь были родоначальниками русской реалистической прозы.

Еще во время пребывания в нежской «Гимназии» влился к нему Гоголь увлеченно вольнолюбивыми стихами Пушкина. Он переселился в свой чердак подальше от «Багачихи Онегина», «Полтаву», «Цыган».

20 мая 1831 года осуществилась заветная мечта Гоголя: на вечеру у П. А. Плетина он познакомился с А. С. Пушкиным.

В свои дневнике (1833—1835 год) А. С. Пушкин пишет по поводу выхода в свет «Вечеров на хуторе»: «Как изумилась моя русская книга, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фоминина...».

В 1834 году Гоголь получил докторскую профессору всеобщей истории

А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь.

рин в Петербургском университете. На одной из его лекций, которые в первое время он читал с большим подъемом и увлечением, присутствовал Пушкин.

«Пушкин заваял меня взгляду на дело степенно — пишет Гоголь в своей «Исповеди» — он уже давно сполнял меня принятию за большое сочинение — наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но безобразной, поразил его больше всего много прелесть читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и настолько чуждым выставлять его миру всего, как живого, с этой способностью не принимать за большое сочинения! Это, просто грех!» Во время этой же беседы Пушкин дал Гоголю сюжет «Мертвых душ».

Присутствуя и работе над «Мертвыми душами» Гоголь торжественно сообщил, Пушкину в письме от 7 сентября 1835 года: «Начал писать «Мертвых душ». Сюжет рассказан на преддверии роман и, кажется,

Н. В. Гоголь.

Рисун А. С. Пушкина

Первые главы «Мертвых душ» Гоголь еще имел возможность прочесть А. С. Пушкину. В анкетной «Исповеди» Николай Васильевич вспоминает: «Когда и начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых душ», то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении... начал понемногу становиться все суворее... Когда же чтение кончилось, он произнес голосом торжественным: «Боже, как грустна наша Россия!»

В своей статье «Несколько слов о Пушкине», омоничально написанной в 1834 году, Гоголь впервые характеризует Пушкина как великого русского национального поэта. «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», — писал Гоголь. — «В нем русская природа, русские духа, русский язык, русский характер...».

Нанавне отъезда Гоголя за границу Пушкин, по словам Якова Гоголевым (сестры), просидел у него в квартире всю ночь напролет. Он читал начавшиеся сочинения. Это было их последнее свидание.

Продолжение «Мертвых душ» Гоголю не суждено было читать своему другу и великому литературному руководителю. Пушкин погиб. Гоголь узнал о его смерти в Париже, накануне отъезда в Рим, какой вести нельзя было получить из России, — писал торжественно страшным известием Гоголь Плетину 16 марта из Рима: «Все наследствие моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним».

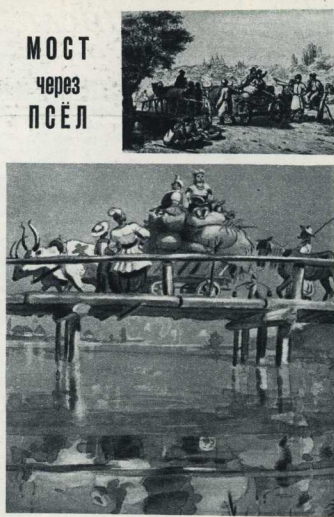
Отдавая дань поистинно значительной дружбе с Пушкиным для его творчества, Гоголь говорил: «Иногда и творил, я видел перед собой только Пушкина... Мне дорого было его письмо и изреченное слово. Ничего не предпринял, ничего не писал и без его совета. Но, что есть у меня хорошего, все от него и безобразно ему».

Творческая дружба Пушкина и Гоголя — этих двух основоположников критического реализма — является одним из значительных явлений в истории русской литературы.

«О Пушкина и Гоголь», писал в одной из своих статей И. А. Гончаров, «теперь еще нигде поля не уйдешь. Пикара Пушкино-гоголевский продался досел и все ни, беллетристики, только разрабатываем завещанный ими материал».

И. ПАВЛОВ

МОСТ ЧЕРЕЗ ПЕКА

Иллюстрации художников К. А. Трутовского (вверху) и А. М. Каневского (внизу) и повести «Сорочинская ярмарка».

Мост через реку Пекл — то самое место, которое так поэтично описано Н. В. Гоголем в «Сорочинской ярмарке». «Глазам наших путешественников начал уже открываться Пекл, издали уже видно прокладку, которая казалась ослепительно белой после томительного, разрушающего зноя... Воз с вышними краской и величина, как целое стено, раскинулась перед ними. Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельница — все отпрянуло, отслоило и заглохло вверх ногами, не падая в голубую предрасную бездну».

Сцена на мосту вдохновила многих художников, как дореволюционных, так и советских. Вот как нарисовал эту сцену один из старых иллюстраторов произведений великого писателя, художник К. А. Трутовский.

Совсем по-иному подошел к теме советский художник А. М. Каневский, создавший целую серию иллюстраций к «Вечерам на хуторе близ Диканьки».

Сцена на мосту иллюстрировали также Куркмынцы, А. А. Павлов и другие художники.

АРТИСТ- СКУЛЬПТОР

Выдающийся актер, а впоследствии главный режиссер Малого театра Александр Павлович Ленский одновременно был незаурядным художником и скульптором. В свое время А. П. Ленский написал эскизы декораций и инсценировал «Мертвых душ».

В новой экспозиции Театрального музея имени Вахтангова имеется созданный Александром Павловичем Ленским памятник Н. В. Гоголю. Скульптор изобразил великого писателя, который смело разоблачал горючий, хвастливый, чинословый и соблазненный, кем бы иллюстрировал слова В. Г. Белинского, сказанные о «Мертвых душах»: «Творение чисто гоголевское, национальное... бесспорно сдерживающее попор с действительности».

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ГОГОЛЕ

Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А места какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился...

А. С. Пушкин

Гоголь внес в нашу литературу новые элементы, породил множество подражателей, надел обществом на истинное созерцание романа, каким он должен быть; с Гоголя начинается новый период русской литературы, русской поэзии...

В. Г. Белинский

«Мертвые души» Гоголя — удивительная книга, горючий упрек современной Руси, но не беспощадный. Там, где издалека может проникнуть сквоз туман нечистых, навозных испарений, там он видит удалую, лопуную силу национальности... Грустно в мире Чичиковых, так, как грустно нам в самом деле; и там и тут одно утешение в вере и уповании на будущее. Но веру эту отрицать нельзя, и она не просто романтическое упование на небеса, а имеет реалистическую основу: кровь как-то хорошо обращается у русского в грунт.

А. И. Герцен

Перед Гоголем должно благоговеть, как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самой любовью к людям... Гоголь — истинный создатель сербца человеческого...

Т. Г. Шевченко

...Давно уже не было в мире писателя, который был так важен для своего народа, как Гоголь для России.

Н. Г. Чернышевский

[Гоголь] писал не то, что могло бы более нравиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считал полезнейшим для своего отечества.

Н. А. Некрасов

Человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся, как одной из славы наших!

И. С. Тургенев

Дорого русскому сердцу имя Гоголя; Гоголь был первым нашим народным, исключительно русским поэтом; никто лучше его не понимал всех оттенков русской жизни и русского характера, никто так паразитично верно не изображал русского общества.

Д. И. Писарев

С Гоголя водворился в России совершенно новый стиль; он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью к природе.

В. В. Стасов

...Гоголь положительно должен быть признан родоначальником... нового, реального направления русской литературы.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Литературной технике и языку надобно учиться именно у Толстого, Гоголя...

А. М. Горький

КРОССВОРД

Составил С. Егоров

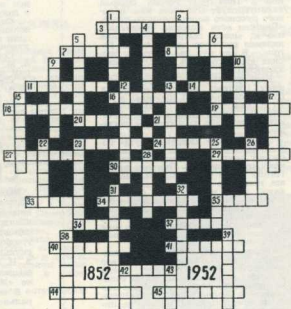
По вертикали:

1. Город — последнее место жительства Н. В. Гоголя.
2. Повесть о бедном чиновнике.
4. Фамилия написанная, о котором рассказывал потыястер в поэме «Мертвые души».
5. Название сборника произведений Гоголя.
6. Село, имя которого имя пассажира Рудый Панько.
9. Действующее лицо комедии «Ревизор».
10. Имя, в котором написано иносказание произведение Гоголя «Ганц Кюхельгаргнер».
12. Город, где случилось необыкновенное происшествие, описанное в повести «Нос».
13. Фамилия помещика из повести «Мертвые души».
15. Повесть Н. В. Гоголя.
17. Принадлежит художника Писсарова в повести «Невский проспект».
22. Имя Болдеса, старейшего годема во всем запорожском войске в повести «Тарас Бульба».
23. Иное название повести «Вечер накануне Ивана Купала».
25. Имя Товстогула из «Старостинских помещиков».
26. Название главы повести «Иван Федорович Шпонска и его родственники».
28. Один из городов, упоминаемый в начале поэмы «Мертвые души».
31. Мориз из «Илиады».
32. Герой поэмы Гоголя.
38. Имя Черныгина из «Сорочинской ярмарки».
- 39.

Название просветителя, описанного Гоголем в одной из его повестей.
- 42. Число почтовых лет в «Историках».
- 43. Кличка ордена Платонова из «Мертвых душ».

По горизонтали:

3. Персонаж из «Мертвых душ».
7. Девочка повозки, на которой разбегался Чичиков.
8. Великий русский историк автор с которым дружил Гоголь.
11. Автор старого памятника Н. В. Гоголю в Москве.
14. Персонаж произведения, под названием именем «Н. Гоголь».
16. Комедия Н. В. Гоголя.
18. Фамилия одного из кузнецов, упоминаемых в повести «Мертвые души».
19. Персонаж из «Майской ночи».
20. Действующее лицо в «Историках».
21. Мать кузнецов Гоголя.
24. Герой повести Н. В. Гоголя.
24. Название главы в «Майской ночи».
27. Родина Н. В. Гоголя.
29. Действующее лицо повести «Вини».
30. Периодически устраиваемый торг, описанный Н. В. Гоголем.
31. Речка, востаня Гоголем.
34. Великий русский критик современники Гоголя.
35. Западная часть Азовского моря, упоминаемая в «Страшной мести».
36. Стихотворение Гоголя.
37. Имя одного из крестьян, распутивавшего

успевший изнапача Чичикова... 40. Персонаж из повести «Тарас Бульба».
- 41. Фамилия чиновника в одной из повестей Гоголя.
- 44. Город, в котором жил Иван Иванович и Иван Никифорович.
- 45. Фамилия чиновника в одной из повестей Гоголя.

Редакторы: В. Ашев, Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, А. Космодемьянский, Г. Куклис, М. Луконин, Н. Сморodin.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-3-34-24. А 02060. Подписано и печатно 5/III 1932 г. Заказ 369. Тираж 120 000. Изд. № 223.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СМЕНА
В номере:

- А. Еролин — Чем дорог нам Гоголь.
- С. Машинский — В немкинской «Гимназии высших наук».
- П. Тамилиан — Югда смех уснаивает...
- Н. Гоголь — Русь!
- Иллюстрации Кузьмичевых, Бесила с художниками Кукуриным и Якимом.
- Н. Вольгин — Гоголь и Белинский.
- Т. Самсонов — Язык повести «Невский проспект».
- Т. Н. Хренинов — Гоголь в музее.
- Ольга Кожухова — Ближ Диканьки.
- Из биографической хроники.
- Н. Гоголь — Тарас Бульба.
- Т. Николов — «Илиада» на клубной сцене.
- Михаил Жаров — Мой городничий.
- А. Поддеев — Новые рукописи Н. В. Гоголя.
- И. Барковский — Гоголь в Москве.
- И. Павлов — Дружба великих. Русские писатели о Гоголе.

На первой странице обложки: портрет И. В. Гоголя работы художника Ф. А. Моллера.

На четвертой странице обложки: педагогическое училище в селе Большие Сорочинцы, Полтавской области. Фото Л. Зиверта, Г. Масеева.

Оформление номера В. Урина

РЕВИЗОР
KONZERTS

N.V. GOGOL
TARAS BULBA

WIKY
PARADE DE VOYER PAR
TOUTES LES
REPRESENTATIONS DE
CONSEILS DE
22
22
22

WIKI PROSPER
BELECTIEN BILBOUE FRANCS-BU
GOGOL
N. V. GOGOL

GOGOLY
HOLT LELKEK

Н. В. ГОГОЛ
ВЕЧЕРИ В СЕЛЦЕТО
КРАЙ ДИКАНКА

Phantasten
und Geschichten

a Veillée de la S'Jean

TALES
FROM
GOGOL
Translated by Rose Parson

GOGOLY
A KÖPÖNYE

Phantasten
und Geschichten

REWIZOR

Phantasten
und Geschichten

Gogoly
BULBA TARASZ
DANTE

GOGOL

(Николай В. Гоголь)

REWIZOR

Н.В.ГОГОЛ
МЪРТВИ
ДУШИ

MЪРТВИ ДУШИ

MЪРТВИ ДУШИ

MЪРТВИ ДУШИ

INSEMNARILE
UNUI NEBUN

Szorgel szinpa

N. Gogol
Taras
Bulba

MARTWE
DUSZE

N. V. GOGOL
TARAS BULBA

GOGOL

Великий русский писатель Н. В. Гоголь, широко известный в нашей стране, получил всеобщее признание и любим народами всего мира. Его гениальные произведения переведены на языки стран Запада и Востока. Богатое художественное наследие Гоголя является великим достоянием всего человечества.

ГОЛ. КЕФЕР

